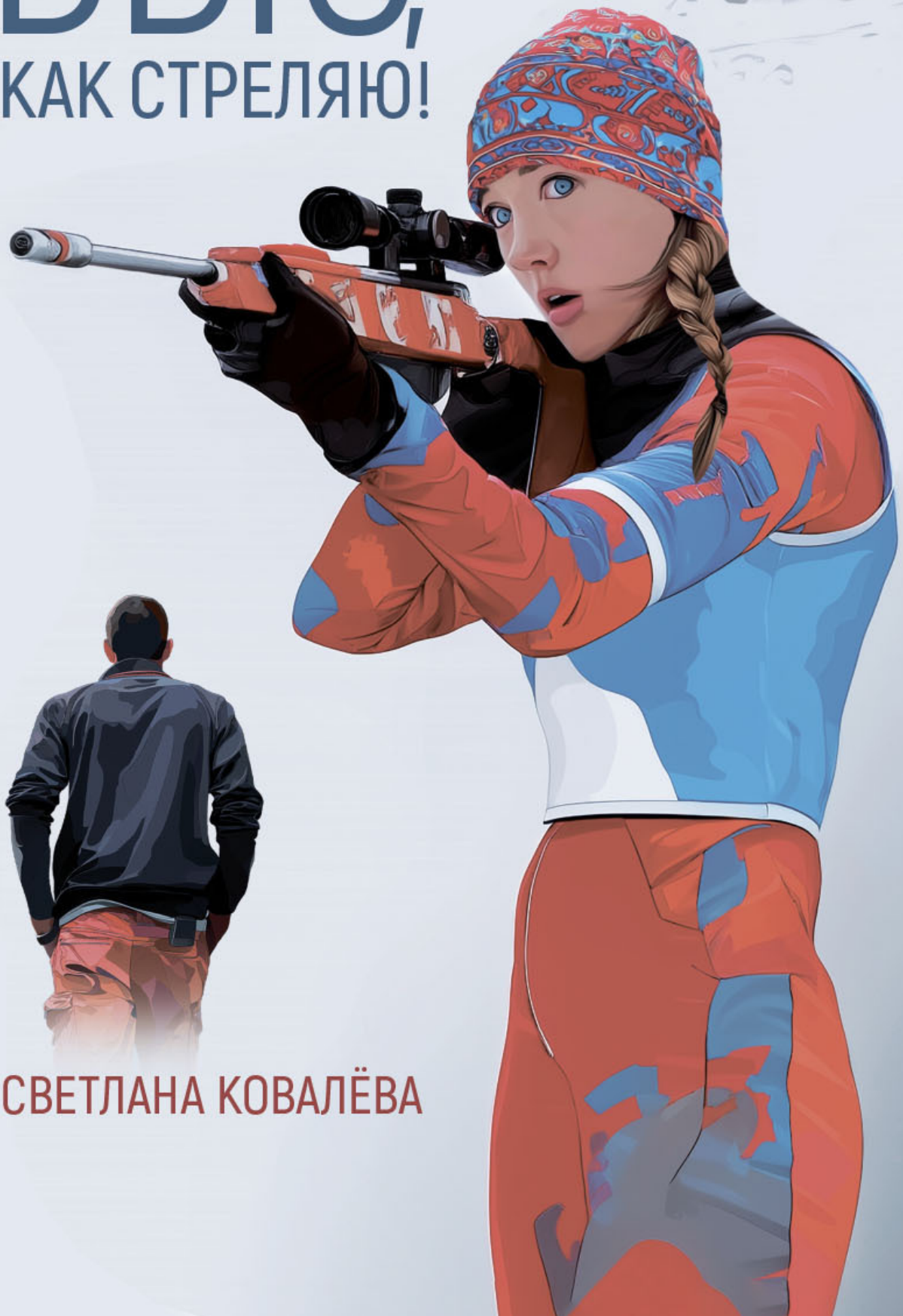
БЬЮ, КАК СТРЕЛЯЮ!

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
BookBox
https://bookbox.center

СВЕТЛАНА КОВАЛЁВА

Светлана Ковалёва

Бью, как стреляю!

«BookBox»

2025

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2=411.2)64-5

Ковалёва С. В.

Бью, как стреляю! / С. В. Ковалёва — «BookBox», 2025

ISBN 978-5-907925-93-9

Детский мир Ульяны был наивным и романтичным. Однако сказка первой, чистой и непорочной любви резко оборвалась, когда в неё ворвался взрослый мужчина, похожий на принца. Общение с девочкой становится глотком свежего воздуха для Леонида, заблудившегося в лабиринте своих противоречий. Случай перепутанной двери нарушает обыденность и устой привычной жизни. Испытывая на себе трагические перипетии судьбы, герои находят силы преодолеть человеческую слабость и исправить роковые ошибки прошлого. Социальный роман учит читателя не бояться жизненных испытаний, ценить истинную дружбу и быть верным зову настоящей любви.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2=411.2)64-5

ISBN 978-5-907925-93-9

© Ковалёва С. В., 2025
© BookBox, 2025

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 71

Светлана Ковалёва
Бью, как стреляю!

© Светлана Ковалёва, 2025
© Издательский дом «BookBox», 2025

Жизнь и сновидения – это страницы одной и той же книги.
Артур Шопенгауэр

Леонид открыл глаза и устало вздохнул. Всё тот же сон. Опять приснился Пашка.

Показывая в сторону санатория, друг твердил:

– Тебе туда… Тебе туда…

Понимая, что уже не уснёт, мужчина встал и вышел на балкон. Закурил сигарету и, всматриваясь в темноту, подумал о Пашке.

* * *

– Всё, девоньки, подъезжаем. – Таксист кивнул охраннику, который открыл ворота, пропуская машину на территорию санатория «Берёзовый рай».

Пассажирки, просыпаясь, завозились на сиденьях. Дорога в санаторий была утомительной и долгой. Дорожная суета на вокзалах, пересадка в Москве, пробирающий до костей мороз отняли много сил, и женщины, в тёплом салоне автомобиля, под лёгкое шуршание шин, задремали. Пассажирки были родственницами. Дочь и её мать.

– Уже подъезжаем? – сонно спросила дочь, нехотя раскрывая глаза.

– Да, – произнёс таксист. – Проедем берёзовую аллейку, а там и санаторий.

Большой рекламный щит, вынырнув из темноты, привлёк к себе внимание. Освещённый специальной подсветкой, он ярко выделялся на фоне тёмной ночи, встречая гостей оригинальной надписью: «Господа! Вас приветствует „Берёзовый рай!“».

– Как просто в жизни. – Молодая пассажирка взбодрилась, довольная таким приветствием. – Стоит лишь заехать на частную территорию, и ты – госпожа.

Разговор про господ не поддержали, и она замолчала, переключив внимание на показавшееся здание санатория. Разноцветные фонарики украшали центральный вход и весело мигали, приглашая гостей окунуться в атмосферу новогоднего праздника. Заглушив мотор, таксист, поддавшись предпраздничному настроению, вспомнив слова про господ, решил пошутить.

Весело посмотрев на пассажирок, он торжественно произнёс:

– Господа! Вы в «Берёзовом раю»!

Улыбнувшись шутке, молодая пассажирка вышла из машины и огляделась. Тёмный лес, стеной окружив санаторий, создавал ощущение дремучести и непроходимости.

– Вот уж не думала, что рай может быть таким мрачным. – Женщина поёжилась не то от холода, не то от сумрака, исходящего от леса. Вдохнув морозный воздух и посмотрев на звёздное небо, пожаловалась: – Новогодними морозами встречает ваш рай! Не подскажете, сколько сейчас градусов?

Занимаясь багажом, таксист не услышал, о чём его спросили.

Женщина медленно выдохнула воздух и, стараясь не беспокоить водителя больше вопросом, решила сама определить градус мороза. Сложив губы трубочкой, она дунула, и пар от дыхания на фоне зажжённых фар потянулся вверх тонкой и ровной струйкой. Вот так они с подружками в детстве определяли, как теплее одеться, чтобы не обморозиться в зимнюю

стужу. Не надо было ждать программу «Время», чтобы узнать прогноз погоды на завтра, или искать термометр, прибитый на створке окна дома. Это был проверенный народный способ. Если пар от дыхания поднимался тонкой и ровной струйкой – мороз был градусов двадцать, если не больше.

Трафарет на входе в санаторий привлёк внимание, и она, показывая в его сторону, поинтересовалась:

– А почему санаторий назвали «Берёзовый рай»?

Посмотрев на вывеску, таксист неуверенно произнёс:

– Наверное, за красоту.

– За какую?

– За чистый и свежий воздух.

– Всего-то! Рай тоже мне!

– За берёзы белоствольные. Берёзы – символ России! – решил не сдаваться таксист.

– Это сильный аргумент! – зазвучал с иронией голос пассажирки.

Лепет про воздух и берёзы слушать было смешно. Название дали, а объяснить забыли, почему рай, а не роща.

– Потому что здесь местные шишки отдыхают, – похвастался мужчина.

– Теперь понятно. Как же местным шишкам без рая! – Открыв заднюю дверь автомобиля и подхватив мать под руку, дочь закончила: – Я назвала бы это место – «Берёзовая роща». Больше подходит.

– Так и было. Название поменяли, когда чехарда началась с этой, «прихваттизацией». – Мужчина специально исказил последнее слово. – Люди не дураки! – произнёс он гордо за людей, которые не дураки. – Правильное название дали этому облапошиванию. Откуда они только повылазили?

– Кто?

– Буржуи. Кто прихватил себе лакомые кусочки.

– «Берёзовую рощу» тоже прихватили?

– Прихватили! Втихую. Никакой шумихи в газетах, никаких скандалов. Был профилакторий «Берёзовая роща», и все знали, что есть такой профилакторий. А потом реклама появилась: «Санаторий „Берёзовый рай“». Мы не сразу поняли, что это одно и то же место.

Подхватив чемоданы и приглашая женщин за собой, таксист направился к центральному входу. Но затронутая тема разговора для него оказалась слишком болезненной, и он, не обращая внимания, слушают его или нет, продолжал бурчать дальше, поднимаясь по лестнице:

– Да нам не до этого было. Каждый искал кусок хлеба, думал, как семью прокормить. Раньше этот профилакторий принадлежал одному заводу. Здесь любили проводить выходные дни работники с семьями. Спортсмены тренировались. Праздники заводчане делали. Сейчас завода нет, нет и «Берёзовой рощи».

– А куда же делся завод?

– Разбомбили. Открыли непонятные кооперативы. Сократили рабочих. Одним словом – захватчики! Ох-ох-ох! Вот такая наша доля русская. То басурманы грабили, то немцы разоряли, а здесь свои захватили. Всю страну в разруху превратили. – Таксист безнадёжно махнул рукой. – Я из токаря-универсала шестого разряда превратился в водилу. Не нужна моя квалификация сейчас никому. – Открывая дверь в холл, он с обречённой тоской, закончил: – Я остался, а завода нет. А должно быть наоборот. Завод остаться, а мы уйти. Мы его дети. Дети труда!

– Хорошо сказано.

– Это заместитель директора нашего завода так говорил: «Мы – дети труда». Сильный был человек.

– А где сейчас ваш «сильный человек»?

– В Москву перебрался. По семейным обстоятельствам. Известным бизнесменом стал. – Гордость, что знал лично, слышалась в его голосе. – А профилакторий у нас был хороший.

«Профилакторий был хороший», – повторила про себя пассажирка, поднимая воротник модной шубки и прикрываясь от ветра, который шквалом налетел и завьюжил возле лестницы.

* * *

– На следующей неделе у нас сборы в «Берёзовой роще», – объявил Убью.

Убью был тренером местной команды биатлонистов, выступающей за спортивный клуб «Трудовые резервы». Познакомилась она с тренером, когда пришла записываться в секцию по биатлону. Из объявления, которое висело на двери местного леспромхозовского магазина, узнала о наборе девочек в биатлон. Шариковой ручкой внизу объявления было подписано: «Искать в Доме культуры Камнегорского трубопрокатного завода». Являясь отличницей и лучшей спортсменкой школы, девочка не слышала о таком виде спорта. Вот этот интерес и привёл её в Дом культуры.

Войдя в большой холл, она услышала зычный голос, гулом заполняющий пустоту коридора. В одной из комнат увидела мужчину, громко отчитывающего юношу.

Мужчина повернулся и вопросительно посмотрел на девочку.

– Я по объявлению.

Глаза мужчины оживились. Он поспешно подошёл к ней.

– Михаил Иванович. Тренер команды биатлонистов, – представился он. Внимательно осмотрев ребёнка и оставшись доволен осмотром, продолжил: – Набираем девочек в команду по биатлону. Ты нам подходишь.

От его внимания не ускользнуло, как девочка пожала плечами. Боясь, что она откажет, стал уговаривать:

– Записывайся. Не пожалеешь. Бегать научим. Стрелять научим. Женихов найдём. Видишь, какой орёл. – Он показал на юношу. – Кандидат в мастера спорта.

Юноша, польщённый вниманием тренера, представился:

– Владимир. Можно Вовка. Мне так проще. Оставайся! Обещаю взять над тобой шефство.

И она осталась. Осталась не из-за обещанных женихов, а скорее из любопытства к биатлону. Да и тренера не хотела обидеть. Он так интересно рассказывал о биатлоне. О биатлоне, без которого она не представляла жизни в дальнейшем.

В скором времени девочка узнала, что тренера за глаза спортсмены называли Убью. Его громкое «Убью», эхом разносившееся по лесу во время тренировок, стало частью жизни молодой биатлонистки.

– Убью!

* * *

– Добрый вечер. – Молодая женщина положила два паспорта на стойку ресепшена. – У нас забронирован номер.

Этот номер она присмотрела заранее, когда останавливалась здесь в прошлый раз. Двухместный двухкомнатный люкс. Приближалось важное событие, экшен, и санаторий был выбран не случайно. Это место располагало к спокойствию, а оно сейчас ей было крайне необходимо.

Как всегда случается в жизни: готовим и планируем одно, а получаем диаметрально противоположное. Так и здесь. Готовилась к одному событию, а случились форс-мажорные обстоятельства, которые накладывались на первое и были такими же важными, как и то, к чему она готовилась. Форс-мажорные обстоятельства вогнали её в состояние паники, отчего она не

могла сосредоточиться и понять, что сейчас важнее. На помощь пришли близкие и родные люди, которые были в курсе предстоящих планов.

Звонок подруге решил один форс-мажор, который, помахав руками, улетел на самолёте, а другой, к которому готовилась больше года, привёл в этот санаторий. Ещё оставалась мать, которая плакала и металась по дому. Пришлось взять с собой.

Конечно, учитывая свалившийся форс-мажор, могла отказаться от участия в предстоящем событии, и никто бы не осудил. Но не отказалась. Слишком много сил и времени было потрачено, чтобы мероприятие состоялось. Да и постулат тренера, заложенный когда-то, срабатывал безотказно: «Осмотрись. Выдохни. Замри». Она осматривалась, оценивая ситуацию. Выдыхала, принимая решение. И замирала, перед тем как нажать на спусковой механизм своего намерения.

Молодая женщина непроизвольно вздохнула. Прошлое растворилось во времени, как и девочка, так непохожая на неё сейчас. Когда она стала другой? Не тогда ли, когда, задыхаясь от душевной боли, лёжа на снегу и сотрясаясь в рыданиях, услышала:

– Выходи за меня замуж!

Вздох гостьи привлёк внимание девушки-оператора. Оторвавшись от компьютера, она внимательно посмотрела на молодую женщину. Сравнив с фотографией в паспорте, перевернула страничку. Сердце молодой женщины замерло. Оно всегда замирало, несмотря на заверения, что с пропиской всё чисто. И, как всегда, зря! Закрыв документ, оператор мило улыбнулась.

– Если у вас есть карта нашего санатория, то можете получить бонусную скидку. Мне кажется, что вы отдыхали у нас.

Молодой женщине хотелось ответить, что отдыхала. И не только в санатории, но и в профилактории, когда он был «Берёзовая роща». Но вместо этого запоздало ответила:

– Я у вас в первый раз!

Её опять обслуживала та же девушка, что и в прошлый раз.

«Неужели узнала? – рассуждала она, поднимаясь в номер. – Навряд ли!»

Девушка тогда была стажёром и за стойкой регистратуры сидела тихой мышкой. Не поднимая головы, записывала в блокнот указания администратора, стараясь показать себя прилежной ученицей. Она не помнила, чтобы девушка её рассматривала, как сейчас. Если и была с ней знакома, то только по паспорту, по которому осваивала программу. Выходит, что ученицей оказалась прилежной, с хорошей памятью, если запомнила паспорт. Поэтому и поинтересовалась о карте. Такие карты выдают тем, кто в санатории не в первый раз. А она-то уж точно – не первый раз. В прошлый заезд у неё был совершенно другой сценический образ. Тогда была шатенка, а сейчас блондинка, со светло-русой гривой волос. Да ещё с мамой в придачу. Так что по внешности могла не запомнить, а вот по паспорту и регистрации могла. За время проживания с тихой мышкой она больше не пересекалась. Днём отсыпалась, а ближе к вечеру уезжала и появлялась под самое утро. Дверь открывал охранник, с которым договорилась за определённую плату. Обеды приносили в номер. Так что вероятность того, что девушка её срисовала, очень мала. И была надежда, что это так. Или она опять не учла погрешность?

* * *

– Погрешность – это промах. – Убью проводил разборку по стрельбе. – Подходя к рубежу, вы должны многое учитывать. Дыхание. Усталость. Направление ветра. Душевный настрой. Дыхание соперника в спину! Понятно?!

– Ты! – Разбор полётов всегда начинался с неё, как с лучшего стрелка. Тренер поднимал вверх лист мишени. – Ты не учла порыв ветра! Почему не учла? – Убью спрашивал и сам же отвечал: – Потому что поленилась сделать поправку на ветер. Ты поленилась, а пуля уле-

тела. Она-то улетела, а ты осталась со штрафным кругом. А это сто пятьдесят метров лишней дистанции и пятнадцать секунд драгоценного времени. Ты проматываешь свои силы, давая сопернику шанс отстреляться и убежать первым. Понятно, что такое погрешность?

Девочка кивала, соглашаясь с наставлениями.

– Ещё такое вытворишь, убью. – Отдавая ей листок, миролюбиво заканчивал: – Не забывай про погрешность! Мне нужны победы.

* * *

Номер, куда женщины заселились, оказался самым обыкновенным. Двухкомнатный и двуспальный, но только не люкс. С большой натяжкой на четыре звезды, но не пять, как указывалось на сайте, где современный пятизвёздочный комплекс санатория «Берёзовый рай» предоставлял услуги как отеля, так и санатория. Она не пользовалась услугами в прошлый раз и вряд ли воспользуется сейчас, поэтому дать оценку правдивости размещённой рекламы не смогла бы. Но вот в чём была полностью согласна, так это с рекламной вставкой: «Место, где непременно захочется побывать вновь».

Молодая женщина обошла номер. Бутылка шаманского на столике и новогодняя открытка рядом привлекли внимание.

– «Господа! Новогоднее шампанское от администрации санатория! С Новым годом!» – прочитала она вслух. – Ого! Какой здесь сервис! Мама, ты слышишь. Опять мы господа!

Находясь в другой комнате, мать не ответила.

Не обращая внимания на её молчание, дочь включила телевизор. Песня про пять минут заполнила номер. То ли от песни, знакомой с детства, то ли оттого, что они господа, в душу заползло веселье. Захотелось танцевать, и она, подхватив шампанское со стола, закружилась в вальсе.

– Мама! Ты посмотри, что в мире творится. Шампанское в номера подают!

Мать снова не ответила. Обеспокоенная её молчанием, дочь прошла к ней в комнату.

Привалившись к подушке, старая женщина сидела на кровати, и вид её был уставшим.

– Посмотри, как нас встречают!

Дочь показала шампанское.

– Форс-мажорные обстоятельства совсем отбили нам память. Через два дня Новый год!

– Да тише ты! – заворчала мать. – Люди спят, а ты кричишь! Полночь уже.

– Новый год к нам мчится, а ты люди, тише! Никакой романтики.

– Какая романтика?! Что за идея взбрела тебе в голову тащить меня сюда? Новый год – домашний праздник. Его надо в кругу семьи, дома встречать.

– Я это слышу с детства. Ты же знаешь, почему мы здесь и для чего ты со мной. У нас круг семьи, в этот раз, не получился. – Печаль тревоги промелькнула по лицу дочери. – Давай не будем об этом. У нас есть немного времени насладиться отдыхом, снегом и красивой берёзовой рощей. Всего одна неделя. Лучше со мной, чем одной дома. Мне так спокойнее.

Ощущение Нового года остро почувствовалось на следующее утро, когда женщины проснулись. Неестественная белизна света расплывалась по комнате прозрачной туманностью, создавая ощущение сказочного волшебства. Подойдя к окну, молодая женщина ахнула. Отразившиеся в её голубых глазах берёзы застыли под ажурным слоем инея. Серебристое мерцание воздуху придавали снежинки, лениво падающие на землю. Они искрились в лучах холодного солнца, создавая атмосферу безмолвия и покоя. И полная тишина, до звона в ушах. Она знала эту тишину. Раннюю. Зимнюю. Морозную.

Стараясь не нарушить спокойствия зимнего утра, дочь прошептала:

– Вот таким должен быть рай. Белым. Чистым. Девственным. Берёзовый рай.

Причудливость деревьев из мохнатого инея, сияние рассвета и зародившееся с вечера настроение праздника всколыхнули в душе женщины детскую веру в чудо. Мысли, закружив фантазиями, воспламенили голос души. Пробудившись от спячки, он прошептал: «Новый год начинается. А это чудеса и необыкновенные встречи».

Последующие дни до праздника женщины обустраивались в санатории, который больше напоминал маленький муравейник. Весь люд готовился к празднику, шумно выражая настроение смехом и разговорами.

Проводив мать на процедуры, дочка брала лыжи в прокате и укатывала в глубину лесного массива. Запорошённые снегом деревья, стук дятла, мороз напоминали ей время, когда биатлонисты приезжали сюда на сборы. Но тогда лес был живым и разноцветным. Везде были лыжники, звучали голоса, скрипел снег, и крик «Убью» вызывал дружный смех спортсменов. Сейчас в лесу было пусто, если не считать её, неуклюже передвигающуюся по снежному покрывалу, проваливающуюся в глубокий снег.

Когда молодая женщина поднималась по лестнице после прогулки, её внимание привлёк громкий смех мужчин, стоящих возле центрального входа. Мужчины были нелепо одеты и со стороны казались смешными и неуклюжими. На каждом был длинный овчинный тулуп и шапка-ушанка, завязанная под самый подбородок. Один, маленький и толстенький, напомнил ей Винни-Пуха. Другой, высокий и длинный, почтальона Печкина. Увлечённые разговором, мужчины не собирались расступиться перед женщиной, когда она подошла к ним. Запах перегара говорил, что компания на взводе и тонкости этикета сейчас не для них. Вздохнув, женщина стала пробираться к входу.

– Какая рыбка! – Кто-то больно ущипнул за ягодицу.

Не желая разбираться, кто это сделал, она ударила ближнего к ней мужчину.

Не ожидавший удара, тот охнул, потом согнулся и следом возмутился:

– За что?

– Пока тренируюсь. В следующий раз бью наповал.

Раздался хохот.

– Это что за хамы? – Юркнув в холл, женщина столкнулась с администратором. – Пройти не дают.

– Гости из Москвы. Гудят дней пять у нас.

– Москвичи. Тогда понятно. Им всё можно и всё дозволено. Не то что нам, провинциалам.

– Извините, – оправдывалась за мужчин администратор.

– Да чего уж там. Мужики на отдыхе. Я понимаю. Можете не извиняться.

Стараясь сгладить неприятный инцидент, администратор раскрыла папку и достала билеты.

– Предлагаю билетики на новогодний банкет.

– Я не планировала праздновать шумно.

– Будет интересная программа. Дед Мороз, Снегурочка, концерт, лотерея. Соглашайтесь. Администрация города приедет. Они каждый год у нас празднуют.

– Не представляю, как можно без администрации праздник встречать? – иронизировала женщина. – Будем считать, что вы меня уговорили.

У себя в номере, просматривая билеты, сделала звонок.

– Мы с мамой будем на банкете. Там встретимся. До встречи.

Голос был радостным и оживлённым.

Следующий звонок был на другой номер.

– Новый год встречаю в санатории. Машину подгонишь на следующий день. Ближе к вечеру.

Зал был празднично украшен. На каждом столе стояли маленькая ёлочка, бутылка шампанского и лёгкая закуска. Оконные проёмы сияли от изобилия сверкающей мишуры, с потолка свисали затейливые снежинки, а приглушённый свет создавал уютную атмосферу в зале. Администратор подвела женщин к столику. Многих из присутствующих гостей женщины уже знали, живя с ними жизнью отдыхающих.

В зал вошёл мужчина в дорогом костюме, ведя под руку спутницу. Дорогой костюм не скрывал военной выправки мужчины. Их взгляды встретились, и он, улыбнувшись, слегка кивнул. Глаза его спутницы радостно вспыхнули, увидев её. Опережая желание подойти к ним, молодая женщина улыбнулась и предостерегающе покачала головой.

– Иди, иди. Ещё будет время встретиться.

Знакомые прошли мимо и расположились в центре зала, за большим праздничным столом, где праздновала администрация города. Ей не хотелось, чтобы присутствующие видели восторг их встречи. Ещё будет время, как и место, где они, обычно, болтают до поздней ночи, пока мужчина с военной выправкой не разгонит их по комнатам.

Мысли молодой женщины прервал громкий хохот, который раздался со стороны колонны. Заглянув за колонну, она увидела дверь в банкетный зал. По силе хохота и возбуждённым голосам, что раздавались за дверью, поняла, что Новый год там начали справлять давно и праздничный вечер проходил своей жизнью.

Засуетились официанты. Зазвучала музыка. Погас свет. Она на какое-то время забыла про шумную компанию.

Праздник был в полном разгаре, когда ведущий объявил конкурсы. Эта была завершающая часть программы. Мило выступила городская филармония, потом народный хор ветеранов, выступление которых ей особенно понравилось. Смотря на преклонный возраст артистов, она восхищалась пожилыми людьми. Одетые в русские народные костюмы, притопывая и приплясывая, они, исполняя русские песни, заряжали духом себя и передавали энергетику слушателям. Под их пляс и притоп хотелось петь и плясать, что многие и делали. Поддавшись искушению, сама втянулась в хоровое пение, помогая певцу-ветерану вытягивать песню «У леса на опушке жила Зима в избушке».

По причине того, что люди устали, желающих принять участие в конкурсе не находилось, как ведущий ни упрашивал зал быть активным. На помощь ему, неожиданно, пришла весёлая компания. Сначала за колонной раздался громкий смех, а следом появился изрядно подвыпивший мужчина. Он остановился и осмотрел зал.

Подойдя к ближнему столику, спросил:

– Дамочки! Покажите выход. Заплутался. Покурить надо.

Мужчину качнуло, и он чуть не упал на молодую женщину.

– Извините! Бога ради, извините! – пробормотал он. Стараясь извиниться, схватил её за руку и стал целовать.

На помощь пришёл ведущий, который быстро среагировал на пьяного человека. Подбежав к столику и подцепив кавалера под руку, он потащил его на сцену. Зал оживился.

– Дамы и господа! Конкурс «Звезда дуэта», – объявил ведущий. – Как зовут нашего конкурсанта?

– Вася. – Мужчина пьяно таращился на ведущего, не понимая, что ему от него надо.

– Давайте попросим Васю выбрать для себя второго участника конкурса. – Не давая времени мужчине одуматься, ведущий захлопал в ладоши, прося у зала поддержки.

Зал одобрительно загудел.

Вася заулыбался, польщённый таким вниманием. Наконец разобравшись, что от него хотят, он степенно осмотрел зал. Его глаза остановились на столике возле колонны.

Молодая женщина заёрзала на стуле, понимая, что вторым участником конкурса может быть и она. Но идти на сцену и петь с подвыпившим стариканом желания не было.

Сделав напускную строгость, она произнесла:

– Мама, я приказываю тебе идти с ним петь!

– Да лучше сразу пить, – парировала мать. – Придумала. Я этих алкоголиков на дух не переношу. Петь с пьяным на старости лет, господи упаси. – Женщина перекрестилась.

Чем ближе приближался Вася, тем больше женщины изображали безразличие. Одна жевала салат, опустив глаза, другая, прикрывшись салфеткой, отвернулась к соседнему столику.

– Мадам! – Рука кавалера легла на плечо молодой женщины. – Я выбрал вас. Теперь ты моя.

– Я мамина и больше ничья!

Попытка освободить плечо не увенчалась успехом. Зал засмеялся.

Не понимая, над чем смеются, мужчина настойчиво повторил:

– Ты мне подходишь. Возражения не принимаю.

– Отстаньте от меня. Я не пою.

– Тогда постой со мной там. – Рука сильнее надавила на плечо. – Ты чё, не поняла, что мы с тобой пара?

Ведущий подбежал и встал рядом.

– Выручайте, девушка! – Он сделал жалобное лицо. – Горим с конкурсом.

– Куда же мне деваться? Иначе плечо оторвёт. – Поднимаясь, молодая женщина вздохнула: – С пьяным спорить – народ смешить.

Ведущий заулыбался и, подцепив конкурсантов, под хлопанье зала повёл на сцену.

– Как зовут нашу участницу? – спросил он, дождавшись, когда в зале станет тихо.

– Яна.

Ведущий объявил конкурс. Объяснив правила конкурса, он взял коробку с билетами.

– Предлагаю даме вытянуть билетик с номером песни.

Яна потянулась за билетом, но Вася повелительным жестом отстранил её. Мохнатая и короткопалая рука мужчины еле влезла в коробку, вытаскивая билет.

– «Любовники»! – громко произнёс ведущий название песни.

Яна широко раскрыла глаза, а Вася блудливо заулыбался. Осмотрев свою «любовницу», довольным голосом произнёс:

– Хороша!

Молодая женщина с неприязнью посмотрела на Васю. Мужчина напомнил ей пивной бочонок. Брюки на большом животе еле удерживал дорогой ремень из крокодиловой кожи.

– Моя рыбулечка! Буду петь, хоть и не умею, – признался Вася.

– Рыбасик мой, не умеешь петь, так говори под музыку.

Зазвучала музыка, и на большом экране монитора появился текст песни.

Природа одарила молодую женщину очаровательным голосом. И сейчас этот голос запел: «В терновнике колючем невидимы две птицы…»[1]

Сколько Яна себя помнила, столько и пела. Она не представляла жизнь без песни. Даже на лыжне, задыхаясь от бега, непослушными замороженными губами она мурлыкала песню, не обращая внимания на сложность дистанции. Пела душа. Пела красиво и вдохновенно. Только два раза в жизни душа переставала петь, погружалась в пучину страданий и боли.

Сейчас этот голос продолжил: «…как же это, милый, напоминает нас».

Яна повернулась к Васе. Незаметно толкнув мужчину в бок, прошептала:

– Рыбасик! Сейчас ваш куплет.

[1] Здесь и далее – строки из песни «Любовники», слова Л. Дрёмина, М. Шелег, музыка В. Чернякова.

От неожиданного толчка Вася вздрогнул, а потом, улыбнувшись, произнёс:

– Будь спокойна, дорогуша! Не подведу.

И Вася не подвёл.

Он заговорил словами. Не обладая хорошим слухом, мужчина был необыкновенно артистичен. Запевая припев «Ведь мы с тобой любовники, обычные любовники», он так вошёл в роль настоящего любовника, что нежно обнял её, не упустив случая поцеловать в плечо. Песня объединила дуэт. В конце выступления они стояли прижавшись друг к другу.

Зал взорвался аплодисментами. Яна посмотрела в сторону матери. Женщина сидела и украдкой вытирала слёзы. Возле их столика стояла группа мужчин. Они дружно и громко хлопали.

«Это же те хамы…» И Яне стало душно. Перехватило дыхание.

Остаток вечера проходил словно во сне. Бледное лицо женщины выдавало волнение. Она не услышала, когда их объявили победителями и пригласили на сцену.

Из состояния транса вывел голос матери:

– Что с тобой?!

Яна не знала, что с ней. Глаза! Может, ей показалось? Она боялась посмотреть в сторону мужчин. Может, ей показалось…

К ней подбежал Вася, приглашая последовать на сцену. Яна сделала шаг, но ноги были ватными и неуправляемыми. Она споткнулась и полетела на колонну. Чья-то рука, схватив за шиворот вечернего платья, успела перехватить падение.

Открыв глаза, она увидела Васю. Схватившись за него, как за спасителя, она поковыляла на сцену. Одна мысль точила голову – ей надо успокоиться. Она должна взять себя в руки! Что же делать? Заиграла музыка в честь победителей, и решение пришло моментально. Петь!

Метод проверен. Песня действовала как успокоительное средство. Она должна расслабить скованное от страха тело. Она должна убедиться!

– А можно я вам спою? – Голос предательски дрогнул. – Про небо.

Мужчина стоял в той же компании, возле колонны. Среди всех мужчин он был самым серьёзным. Не смеялся и не балагурил. Он пристально смотрел на неё. Или ей показалось, что самым серьёзным?

Яна запела. Застывшее тело приобрело лёгкость, и оно задвигалось красиво и ритмично.

Справившись с волнением и набравшись храбрости, она подошла к компании мужчин и, обращаясь лично к одному из них, тихо сказала:

– Привет!

«Мы разве знакомы?» – отразилось на его лице.

Глаза молодой женщины весело заблестели: «Он!»

Очаровательный голос исполнительницы зазвучал мощнее, наполняя зал прекрасным вокалом о синем небе.

* * *

Синее. Бездонное. Высокое. Вот такое небо она увидела, когда стёрла снег со своего лица. Это была молоденькая девочка. Спортсменка. Биатлонистка.

Девочка прибежала в отдалённую часть берёзовой рощи, чтобы нарвать калины. Отвар из калины был лучшим средством от простуды. Этот рецепт посоветовала бабушка, когда видела часто болеющую внучку.

– Заваривай ягоды калины и пей от своей «беготни». Простывать да горлом болеть меньше будешь.

Любимый спорт внучки бабушка называла не иначе как «беготня».

Сначала девочке не нравился отвар калины. От противного запаха отвара она кривила нос и фыркала, но бабушка стояла над душой до тех пор, пока внучка не выпивала целую кружку. Так, со временем, и прижилась калина как средство от простуды. И запах стал не так противен, и меньше болела, а это было главным в её спорте.

Небольшое деревце калины спортсменка приметила во время тренировок, когда лыжня проходила по этой части леса. На фоне белоствольных берёз красные гроздья ягод смотрелись ярко и весело.

Девочка села и осмотрела лыжи. За шиворот комбинезона посыпался снег.

– Только бы лыжи не сломались.

Несколько дней назад с ней случился неприятный казус. Спортсменка не справилась на спуске со скоростью, её занесло на вираже, и она сломала лыжу. С мыслью «Почему я не птица» она приземлилась в стороне от лыжной трассы, едва не врезавшись в дерево.

Спортивное общество «Трудовые резервы», за которое бегала спортсменка, получило в этом сезоне пластиковые лыжи. Лёгкие, красивые и быстро скользящие. На таких лыжах бегала сборная страны. На соревнованиях, встречая известных спортсменов, она с восхищением смотрела на яркие лыжи, мечтая, что у неё будут такие же и, обязательно, фирмы «Фишер». После последней гонки тренер сказал по секрету, что к ней присматриваются и решается вопрос о переводе её в юниорскую сборную. Тогда ей выдадут такие же лыжи, на которых бегают сборники, и палки «гусиная лапка». Она будет такой же красивой и стильной, как спортсмены из сборной, которые выделялись яркой экипировкой среди участников проходящих соревнований.

Но пластиковые лыжи общество «Трудовые резервы» получили раньше её перевода в сборную. Количество лыж было ограничено, и их раздали лучшим спортсменам из команды. Она была самая лучшая и самая молодая.

– Мечты сбываются. Правда, не «Фишер», но тоже пластиковые. Это тебе как аванс для дальнейших рекордов, – напутствовал тренер, вручая лыжи.

Вот эти лыжи она и обкатывала, гоняясь по опушкам и склонам, на территории профилактория «Берёзовая роща». Первые зимние сборы всегда начинались здесь, куда команда приезжала, чтобы вбежаться, или, как говорят, вдышаться, перед зимним сезоном. Скольжение деревянных лыж было знакомо и привычно, а скольжение пластика, особенно с горы, было таким скоростным, что первое время она слегка трусила. Вот эта трусость и стоила ей падения. Не успев сгруппироваться на спуске, она не вписалась в поворот, и её выбросило с лыжной трассы далеко в сторону.

От большого нагоняя за поломанный реквизит её спас фингал. Целый фингалище. Спортсменку пожалели. Хорошо, что только синяк, а могло быть намного хуже.

Выдали новую пару и предупредили:

– Ещё раз сломаешь, будешь бегать на деревяшках.

Девочка не сразу поняла, что случилось, когда стояла у подножья горы, собираясь на базу. Тёмное и большое, налетев сбоку, столкнуло её в снег.

Спортсменка вылезла из сугроба. Недалеко от неё, копошась в снегу, барахтался мужчина.

– Вы меня чуть не убили, дяденька.

– Девочка! Помоги. – Дяденька (а это был молодой мужчина) махнул в сторону ног. – Не могу снять лыжи.

– Разве это лыжи! Надо уметь группироваться при падении, – пожурила она незнакомца, отстёгивая лыжи. – Могли остаться вообще без рук и ног.

Почувствовав свободу, мужчина сел и ощупал ноги. Убедившись, что переломов нет, посмотрел на спортсменку. Его взгляд задержался на её лице, и он удивлённо спросил:

– Это я тебе сейчас синяк поставил?

– Ой! – Девочка прижала варежку к синяку и звонко рассмеялась, вспомнив, как сама чуть не осталась без ног. – Это лыжи я так обкатывала.

Не желая продолжать беседу, она оттолкнулась палками и заскользила по снегу.

– Девочка! – окликнул мужчина. – До профилактория отсюда далеко?

– Километра четыре!

– Подождите, – постарался остановить спортсменку мужчина. – Вы не смогли бы показать дорогу. Боюсь заплутаться в сумерках.

– Я бы с удовольствием, но могу опоздать к ужину.

– По поводу ужина можете не волноваться, – проваливаясь по колено в снег, с обломками лыж в руках мужчина направился к ней. – Как своей спасительнице я сделаю его романтическим и запоминающимся.

Спортсменка осмотрелась и вздохнула, понимая, что такое может случиться и этот неумеха уйдёт в другую сторону. Ещё и обморозится. Тёмный вечерний сумрак уже окутал берёзы и подкрадывался к поляне, на которой они стояли. Представив его одиноко бредущим по тёмному лесу, замерзающим от холода и проваливающимся по колено в рыхлый снег, она пожалела мужчину. Вспомнила свой случай и поёжилась – не то от холода, не то от воспоминаний.

Команда биатлонистов тогда была на больших сборах. Закончилась вечерняя тренировка, и спортсмены потянулись на базу, а она решила пробежать ещё один кружок. Небольшой морозец, лёгкое скольжение лыж, скрип палок, зимний месяц в усеянном звёздами чёрном небе вызывали восторг и вдохновлял на подвиг. Девочке казалось, что она не бежит, а летит над лыжнёй. Пребывая в полном ощущении гармонии себя и природы, она бежала и бежала, пропустив поворот назад. Опомнилась, когда почувствовала, что сильно замёрзла. Руки и ноги онемели от холода, а эластичный комбинезон покрылся инеем. Она испугалась.

Незнакомый лес сразу стал неуютным, звёзды холодными, а месяц неприветливым. Покружив по лесу в поисках поворота, поняла, что заблудилась. От страха вспомнились разговоры ребят про волков. Возможно, просто пугали, а возможно, это правда, и волки рядом. Светящиеся глаза голодных зверей, которые от страха привиделись за кустами, погнали её быстрее быстроногой лани. Так она не бегала даже при выполнении норматива кандидата в мастера спорта.

«Быстрее, быстрее. Или тебя съедят, или ты замёрзнешь. Лыжня должна тебя вывести. Так всегда говорил отец. Лыжня ведёт к людям!»

И лыжня её вывела. Сначала на опушку леса, а потом в деревню.

Постучав в первый дом, заплетающимися от холода губами еле произнесла:

– Я заплуталась.

Девочку впустили и долго держали в холодных сенях, оттирая снегом. В натопленной кухне, отпоив горячим чаем, спросили, что с ней случилось. Там она узнала, что деревня, куда она прибежала, находилась в шестидесяти километрах от базы. Часы с кукушкой показывали время далеко за полночь. Пока домочадцы занимались спортсменкой, хозяин сбегал к председателю. Тот дозвонился до базы и предупредил, что девушка жива и утром её доставят на место. Как на неё орал Убью! Девочка и сейчас содрогнулась от воспоминания того ора, долгим эхом разносившегося по гостинице. Больше по чужому лесу, в одиночку, она не бегала. То ли дело свой лес! Здесь знаком каждый кустик, каждое дерево и каждый сугроб.

– Вам придётся встать на мои лыжи, чтобы передвигаться. Ваши поломаны.

– А зачем на твои лыжи? Я не понял.

– Чтобы не проваливаться в снег по колено. Иначе мы до утра не дойдём. Вы знаете детскую игру «Паровозик»?

Мужчина засмеялся.

– Я уже забыл. Это как?

– Это когда дети держатся друг за другом и со словами «чух-чух-чух» начинают двигаться в такт. Вот только что делать с вашими лыжами? Они будут мешать.

– Я их выкину!

– У вас будут неприятности в прокате лыж. Вам больше не выдадут.

– Пусть только попробуют. Я их всех уволю! – Мужчина громко засмеялся.

Встав на лыжи, он обхватил девушку за талию.

– Паровозик отправляется в путь. Ту-ту, ту-ту. – Изобразив гудок, девочка рассмеялась, и смех звенящим колокольчиком разнёсся по вечеряющему лесу.

«Какой у неё звонкий смех, – подумал мужчина, прижимаясь к спортсменке. – Ещё тонкая талия и тёплое тело».

За время пути незнакомец рассказал немного о себе. Отдохнуть он приехал сюда с другом после завершения сложного проекта. Профилакторий «Берёзовая роща» принадлежит заводу, и по общественной работе он его курирует. В лес заехал специально подальше, чтобы не видели, как большой «начальничек» не может кататься на лыжах. Не хотел всем показывать своё неумение. Хотел поучиться самостоятельно.

– Меня зовут Леонидом! – представился мужчина, когда они приехали на место.

– Ульяна!

– Какое у вас редкое и красивое имя!

Леонид не обманул. Девчата не поверили, когда Ульяна рассказала, почему опоздала на ужин. Словно дожидаясь, когда она завершит свой рассказ, в дверь постучали. Открыв дверь, девочка остолбенела, а вместе с ней все присутствующие в комнате.

Высокий, стройный и красивый Леонид, одетый по последнему писку моды, стоял в проёме открытой двери. Модные джинсы, о которых мечтала одна половина человечества, а другая покупала их втридорога на барахолках, говорили о вкусе молодого человека. Серый свитер, вязанный крупной стёжкой, тонко оттенял цвет серо-голубых глаз. Терпкий запах парфюма наполнил комнату. Она и представить не могла, что такой запах может идти от мужчин.

От знакомых ребят всегда исходил запах пота. Спортивная одежда у них была мокрой и пахучей от километровых пробежек и силовых упражнений. Ещё мальчишки пахли парафином, керосиновыми горелками, хвойным лесом, морозным воздухом, но только не этим незнакомым и головокружительным ароматом.

Покраснев и как бы оправдываясь, девочка произнесла:

– У меня из одежды одни спортивные костюмы и комбинезон.

– Мы будем одни. Все давно поужинали. – Леонид улыбнулся, подбадривая её.

Ульяна посмотрела на девчат, ища поддержки, но они молчали, тупо уставившись на мужчину.

– Я у вас её забираю, – сказал Леонид молчаливой толпе, решительно взяв на себя инициативу. – Это не обсуждается.

Молодые люди сидели одни в полутёмном зале столовой, друг против друга. Стол на двоих. Незнакомая девочке картофельная запеканка, которую приготовили специально по заказу Леонида, салат, яблоки и шампанское придавали вечеру торжественность мероприятия. По сравнению со спортивным рационом: щи, котлета с гарниром, чай и ещё много хлеба – ужин казался необычным, а обстановка вокруг совершенно незнакомой, такой далёкой от повседневной жизни спортсменки.

Леонид открыл шампанское, и оно задымилось.

– Дымится. – Девочка удивилась.

– Скорее, курится, – уточнил мужчина. – Так открывают только профессионалы.

Ульяна не видела, как открывают бутылки профессионалы, поэтому к словам отнеслась с большим пониманием. Откупоривать пробку шампанского, если наступит такое время, она будет именно так. Пока в её жизни было ситро «Буратино», такое же шипучее, когда она открывала его, чтобы отметить с девчатами очередную победу или день рождения.

Девочке было предложено шампанское. Ульяна испуганно замахала руками. У неё режим! Да и напитки с градусами в её понимании распивать было непозволительно для школьницы, а тем более спортсменки.

Следуя приглашению попробовать запеканку, Ульяна взяла вилку, а следом с опаской нож. Покраснела, понимая, что к такому сервису она не готова. Нож и вилка оказались тяжёлыми и неуправляемыми. Вилка не держала запеканку, а нож выпадал из рук. Вид картофельной запеканки нагонял аппетит, и девочка с грустью подумала, что может остаться голодной. Хотелось взять ложку, но выглядеть неумехой перед дяденькой, который умело орудовал ножом и вилкой, ей не хотелось. Ульяна сглотнула слюну, неуверенно копошась в тарелке.

Леонид это заметил и, отложив приборы в сторону, предложил:

– Давай по-простецки, ложками.

Мужчина пошёл на кухню и вернулся с ложками. Торжественно вручая девочке столовый предмет, разоткровенничался:

– С ножом и вилкой ужинаю на официальных приёмах. Там по-другому нельзя. Статус-кво. Дома могу без ножа, одной вилкой. А вот когда приезжаю в гости к маме, в деревню, то по старинке, одной ложкой. Так даже удобнее. – Захватив большой кусок запеканки ложкой, показал жестом присоединиться к нему.

Ульяна с благодарностью посмотрела на нового знакомого.

Говорил за столом в основном Леонид, рассказывая о заводе и заграничных командировках. Последняя его командировка была в Венгрию. Его рассказ о прекрасном Будапеште был великолепен. Такого интересного рассказчика девочка ещё не встречала. Ульяна тоже могла бы похвастаться своими поездками, учитывая, что объездила полстраны, но на фоне словоохотливого Леонида постеснялась поделиться впечатлениями. Да и что рассказывать! Вокзал, спортивная база, в лучшем случае недорогая гостиница, соревнования и снова вокзал. Расходы строго регламентировались, и съездить на экскурсию свободного времени, а тем более возможностей у команды не всегда находилось.

Поинтересовавшись о биатлоне, мужчина разговорил спортсменку. Глаза девочки зажглись, пропали робость и стеснение, а синяк под глазом придавал её личику неповторимый шарм. Ему было весело слушать её и наблюдать за ней. Детская непосредственность при рассказе об обмороженных руках и ушах умиляла мужчину. Особенно Леонида заинтересовала её хорошая стрельба, когда она сказала, что стреляет лучше всех.

– Моя любимая стрельба из положения стоя. – Ульяна встала в стойку, и её локоть хорошо вписался в красивый изгиб тонкой талии, что не ускользнуло от внимания мужчины.

Усаживаясь за стол, она непроизвольно бросила взгляд на часы Леонида и всполошилась:

– Как много времени! Меня убьют за поздний отбой.

Собираясь уйти, девочка резко дёрнулась в сторону и нечаянно уронила стул. Пытаясь его поднять, зацепила скатерть, и она поползла вниз. Сильный хлопок упавшей бутылки прозвучал как выстрел. Ульяна завизжала и, прикрыв голову руками, упала в лужу шампанского. Поняв, что натворила, она поползла под стол прятаться.

Леонид поперхнулся. С ложкой в руке и полным ртом картофеля, в окружении разбросанного ужина, со спутницей под столом он выглядел как великосветский «аристократ».

С трудом проглотив кусок запеканки, строго произнёс:

– А ну, вылазь.

Ульяна не ответила.

– Вылазь, говорю.

– А мне ничего не будет? – Голос девочки был жалостливым. – Я боюсь!

Леонид не ответил.

– А вы правда ничего не сделаете?

– Если только аппетитно съем, – съязвил мужчина. – Вылазь!

Послышалось шуршание, а следом лицо, с синяком под глазом.

– У меня всегда так. Всё падает, всё бьётся, – оправдывалась девочка. – Мама называет меня слоном. Розовым!

– Почему слоном, мне понятно. Как слон прошлась по ужину. А розовым почему?

– За мои обмороженные уши.

Ульяна продолжала стоять на коленках, смотря на мужчину снизу вверх.

– Уши как уши. – Мужчина посмотрел на уши. – Что с ними не так?

Спортсменка вспыхнула: «Как! Дяденька разве не знает, как выглядят обмороженные уши?! Такой большой и не знает!»

Но дяденька действительно не знал.

– Что с ушами? Они становятся бардовыми и большими, как лопухи. Мама говорит, что с такими ушами я похожа на розового слонёнка.

Положив ложку на стол, мужчина вальяжно откинулся на спинку стула. Скрестив руки, он стал разглядывать стоящую перед ним на коленках девочку. Не выдержав его взгляда, Ульяна стыдливо опустила глаза, ожидая своей дальнейшей участи. Он молчал, молчала и девочка. Пауза затягивалась. Один смотрел, другая ждала.

Так и не решив, помочь подняться или пусть сама поднимается, Леонид произнёс:

– С такими ушами, как здесь показала, точно розовый слон.

Потом они вместе ползали по полу, собирая осколки и остатки еды.

Наблюдая за девочкой, которая лихо орудовала тряпкой, мужчина расхохотался:

– Ужин удался!

Ульяна посмотрела на Леонида, нерешительно засмеялась тоже. Продолжая смеяться, мужчина подполз к спортсменке. Детские губы были совсем рядом, и он задержал на них внимание: «А губы-то нецелованные!» Появилось сильное желание их поцеловать.

От близкого присутствия мужчины девочка стушевалась. Её ещё так никто не рассматривал. И она никогда не ощущала мужское дыхание так рядом.

– Ты хоть раз в жизни ужинала с тряпками и вёдрами?

– Не-а! Я вообще никогда не кушала наедине с дяденьками.

Губы девочки завораживали.

Стараясь заглушить порыв желания поцеловать, голосом старого заговорщика Леонид произнёс:

– У меня к тебе ответственное задание. Ты должна научить меня кататься на лыжах!

– Это что за девушка? – спросил друг, когда Леонид вернулся в номер.

– Мой личный тренер. Кандидат в мастера спорта. Будущая олимпийская звезда!

* * *

Леонид стоял у окна и наблюдал за женщинами. Одна стояла, а другая, присев рядом, застёгивала крепления на её ботинках. Вернувшись с новогоднего банкета, он так и не уснул. Ворочался и ворочался в постели, не находя удобного положения телу.

Начало новогоднего тура было весёлым. Приятель, Петрович, уговорил тряхнуть стариной и встретить Новый год в «Берёзовой роще». Леонид долго отнекивался: у него свои планы на этот праздник. Последние годы Новый год он встречал вдали от родины, нежась на золотом песочке. Но Петрович на то и Петрович! Отвязаться от него было практически невозможно.

Он приезжал на работу к Леониду чуть ли не каждый день с предложением встретить праздник вместе.

– Леонид! Ты когда последний раз был в «Берёзовой роще»?

Петрович был с тех же мест и прекрасно знал, какой отдых может получить компания мужиков в забытом захолустье, среди зимней тиши и берёзовой глуши.

– Мужики в сборе, тебя ждём.

– А чего в такую даль? Столица надоела?

– Надоела. И экзотика тоже. Хочется тишины. Только лес, банька и река. И никаких баб. Неужели у тебя нет желания встретиться с молодостью? Леонид, соглашайся!

После очередного прихода товарища Леонид сдался. «Берёзовая роща» так «Берёзовая роща»!

Впереди ожидались новогодние каникулы. Да ещё сон, который снился последнее время, поставил точку поехать со всеми. Толкая Леонида в сторону «Берёзовой рощи», Пашка твердил: «Тебе туда. Тебе туда».

Они приехали в «Берёзовую рощу» за несколько дней до праздника, сугубо мужской компанией. Вырвавшись на свободу, загудели так, как гудели всегда, когда спутниц не было рядом.

Мальчишник в номере плавно переходил в ресторан, с громким смехом и шумным разговором. Компания была суетливая и громкоголосая. Один Петрович чего стоил, рассказывая байки и анекдоты. За время их пребывания один раз санаторий вздохнул спокойно, когда шумная компания убыла на рыбалку. Санаторий-то вздохнул, а вот рыбки посмеялись над уловом рыбаков. Но, в преддверии Нового года, смех и шум мужчин не казался вызывающим и отравляющим отдых присутствующим. Кроме одного случая, когда Петрович, перебрав лишнего, схватил за задницу одну отдыхающую. Леонид только не понял, почему она ему врезала, а не Петровичу. Ещё и припугнула, что убьёт. Но это был единичный случай. А так недовольства больше к ним никто не высказывал. Люди были шумными и весёлыми, все ждали Новый год.

Настоящая русская баня на дровах на берегу реки была запланирована как основной отдых. Они сами топили, сами выбирали веники и, поддав пару, били себя до изнеможения. Для охлаждения не поленились выпилить бензопилой прорубь в реке. Парясь и охлаждаясь, резвились, как дети. Вот он – настоящий отдых! Настоящий рай! Какие бабы?!

Новый год решили отмечать в ресторане, в банкетном зале, подальше от любопытных глаз. Богатый закусками стол, шампанское, коньяк и водка, всё те же разговоры о делах – и проверенный годами мальчишник заскучал.

Конкурс с Петровичем, который вышел покурить и сделать разведку, внёс разнообразие в их мужицкую скуку. Услышав фальшиво поющего товарища, мужики вылезли из своего закутка поглазеть на безголосого лысого толстяка, который, плюнув на мужскую солидарность: побыть в глуши, послушать тишину и никаких баб, сейчас стоял в обнимку с красивой блондинкой. Этот «стервец» не только обнимал её, он целовал ей плечи и гладил волосы. Это дало новый толчок веселью, где вместе с залом они хлопали и кричали: «Браво! Бис!»

Блондинка с обворожительным голосом была прекрасна. Что она имела в виду, когда сказала ему «привет»? Сказала так, как будто они знакомы. Может быть, поблагодарила за то, что успел поймать, когда она споткнулась и летела на угол колонны, возле которой они стояли? Если бы не его реакция, то ещё неизвестно, чем бы закончилось это падение. В лучшем случае шишкой на голове или синяком под глазом. Как у той спортсменки. Но он успел. Поймал в последний момент. А тело у неё тёплое, он это почувствовал под тонким и прохладным шёлком вечернего платья.

С ним что-то случилось, кода услышал знакомый смех в зале. Звонкий, как колокольчик, который когда-то слышал. В душе появилось волнение. Он вышел к колонне и осмотрел зал. Столик, за которым сидели женщины, был пуст. И остаток вечера смазался и потускнел.

– А что мне ответил Пашка, когда я вернулся с ужина? – вслух произнёс мужчина, вспомнив друга.

– Гадкий утёнок! – ответил друг.

Леонид снова посмотрел в окно. Две женские фигуры передвигались по лыжне в сторону леса.

– Что им не спится? Кто они?

Внимательно приглядевшись, воскликнул:

– Так это вчерашние соседки по столу!

Молодая женщина притягивала внимание, и у Леонида появилось навязчивое желание признать в ней давнюю знакомую. Спортсменку. Биатлонистку. Но женщина шла по лыжне коряво и неумело. Прямые колени, раскачивающийся торс и отдача лыж говорили, что лыжник она никудышный.

– Та была королевой! Эта совершенно не умеет стоять на лыжах. Нет, не она!

От неожиданной встречи в зале Ульяна пришла в себя только в номере. Вот она, погрешность. Опять погрешность. Его здесь точно не должно было быть. Один знакомый ей сказал, что Леонид переехал в столицу, открыл свой бизнес и в этом городе его больше не видели. И таксист, который привёз в санаторий, подтвердил, что живёт в Москве. Как он здесь оказался? И почему в это время? Не про эту ли встречу шептал внутренний голос, когда она любовалась зимним утром. Но такие чудеса и такие встречи в её планы, явно, не входили.

Весь остаток ночи Ульяна прокрутилась в постели, не находя спокойствия. То подушка была жёсткой, а постель мягкой, то в комнате становилось душно, и она, открыв окно, старалась надышаться свежим воздухом. Всю ночь её знобило и лихорадило. Уставшая и совсем разбитая, она лежала на кровати, смотрела на звёздное небо и бессмысленно шевелила губами: «Только небо одно никого не предаст»[2].

Утром, не дожидаясь завтрака, сказала матери:

– Что-то голова разболелась. Пройдёмся по свежему воздуху.

Помогая матери закрепить ботинки на лыжах, Ульяна почувствовала на себе взгляд. Оглянувшись, посмотрела на здание. Встречая новый день, оно стояло несокрушимо и торжественно.

Показалось!

Первые шаги по свежему снегу произвели отдачу лыж, и молодая женщина, изображая начинающего лыжника, каракатицей двинулась по лыжне.

– Вот так и поеду до первой берёзки.

– Перед кем дурачишься? – Мать укоризненно покачала головой.

– А вдруг кто наблюдает?

* * *

– Леонид! Что с вашими коленями? – Ульяна подъехала к молодому человеку.

– А что с моими коленями?

На фоне снежной поляны голубой костюм Леонида, привезённый из последней заграничной командировки, смотрелся ярким пятном.

– У вас должен быть угол, а не прямая линия. Посмотрите, как это делаю я. – Ульяна сделала стойку. – Колени должны быть согнуты, а корпус наклонён вперёд. Колени – это амортизатор ног.

– Как в автомобиле. – Леонид засмеялся.

[2] Строка из песни «Небо», слова Е. Муравьёва, музыка О. Ивахненко.

Не обращая внимания на смех, юная тренерша заскользила по снегу, показывая, как должны двигаться руки и ноги.

Вернувшись, продолжила:

– С прямыми ногами на лыжне вы похожи на оловянного солдатика. А со спуска на растопыренную каракатицу. – Девушка изобразила непонятную зверюшку.

Ученик фыркнул.

– Смотрится очень потешно. Хорошо, что никто не видит, а то засмеяли бы такого начальничка.

Тренировки длились несколько дней. Пожертвовав тихим часом, Ульяна посвящала время своему ученику. Найти свободное окно в плотном графике спортсменки было трудно. В красивом спортивном костюме, обильно полив себя одеколоном, Леонид дожидался тренершу в холле профилактория. Серебристый колокольчик смеха слышался раньше, чем появлялась девочка. Разгорячённая тренировкой и сытым обедом, она была хороша. Увидев его, краснела и смущалась, чего нельзя было сказать о подругах. Нагло рассматривая, они отпускали в его адрес колкие шутки, стараясь сконфузить. Но молодого человека это не смущало. Леонид демонстративно брал Ульяну под руку и под неодобрительные взгляды уводил девушку на тренировку.

Кроме подруг, его поведение не одобрил и Пашка.

– Я не пойму тебя, старик, – сказал он, встречая его, радостного, с тренировок. – У тебя интерес к лыжам? Или у тебя интерес к этой девочке?

Леонид промолчал. Промолчал, не зная, поймёт ли его друг. Не говорить же ему, что интерес наблюдать за спортсменкой стал у него весёлым занятием. Его заводило, как она спотыкалась на ровном месте от его пристального взгляда. Несуразица, которую лепетала девочка при встрече спортсменов, прибавляла настроение. А лыжники во время тренировки стали встречаться чаще. Особенно один спортсмен. Вовка. И чего бы этому Вовке не отдыхать после тренировки?

Ночами, лёжа в постели и слушая похрапывание друга, Леонид вспоминал тренировки. Ну как могло не подкупить мужчину искреннее желание девочки научить его спускаться с горки? Тренерша огорчалась, когда он падал в снег и бороздил, как трактор, склон. По-детски радовалась и хлопала в ладоши, если он не сваливался в сугроб.

Леонид и сам уже не знал, чего он больше хочет: быстро научиться или растянуть процесс обучения на время отдыха. Тренировки приносили не только приятное времяпровождение, но и настроение, когда случалось заигрывать с ней. Первый раз заигрывание произошло случайно.

Помогая ему подняться, тренерша не удержала равновесие и упала рядом. Они долго барахтались в белом месиве, выбираясь из снежного плена, а потом весело смеялись, отряхивая друг друга от снега. Девочка была такая естественная и непосредственная, что он залюбовался ею. Он залюбовался, а она оробела и застеснялась. Тогда получилось случайно. А сейчас, чего уж там, он сам, делая вид, что не может подняться, тянул её в сугроб. Не мог он про это рассказать Пашке. Особенно про детские губы, которые бывают так близки. Пашка его бы не понял.

– Не морочь себе голову. Она малолетка, и шашни с ней заводить опасно. Смотри, а то доиграешься! – предупредил друг.

Леонид понимал, но старался не думать об этом: скорее, был уверен в себе, что интерес к девочке – временное явление. Он скоро уедет, и их пути разойдутся.

Сегодня они ездили к калине. Ох уж эти ягоды! Ульяна с таким удовольствием, прямо с куста, так аппетитно смаковала их, что, не удержавшись, он последовал её примеру.

– Их надо высасывать. Так вкуснее! – подсказала она.

– Как высасывать?

Леонид никогда не ел с куста калину, а здесь ещё и высасывать?

– Вот так! – Ульяна нагнула ветку и, набрав в рот ягоды, стала высасывать.

Мужчина не сдержался. То ли дальний лес (и их не увидят), то ли пухлые губы с калиной во рту стали причиной его безрассудства. Притянув девочку к себе, он впился в детские губы вместе с мороженными ягодами. Ожидаемая кислота калины оказалась необыкновенно сладкой. Как и поцелуй. Так что высасывать калину ему очень понравилось.

Спортсменка отпрянула. Широко раскрыла глаза и густо покраснела. Долго хватала открытым ртом холодный воздух:

– Ап-ап-ап…

Леонид забеспокоился, хватит ли воздуха. Уж слишком долго она «ап-ап-ап».

Всю дорогу назад тренерша ехала молча. Возле профилактория, не поднимая глаз, упрекнула:

– Если ещё так сделаете, Леонид, мы больше не будем тренироваться.

Сейчас, лёжа в постели, мужчина ощущал на губах застывшее дыхание девочки.

«А у неё это – первый поцелуй!» – плутоватая улыбка проскользнула на губах.

Леонид накрылся одеялом, опасаясь, что Пашка заметит его улыбку.

– Ты не думаешь прекратить тренировки? Я начинаю беспокоиться за тебя. Она совсем ребёнок! – послышался голос друга.

Ульяна не спала. Прибежав с вечерней тренировки, быстро легла спать, сославшись на усталость. Девочке казалось, что все только и смотрят на её губы, полыхающие огнём. Накрывшись с головой одеялом, она затаилась, прислушиваясь, о чём говорят девчата. Усевшись за столом, подруги разбирали по косточкам Леонида. Он стал самой обсуждаемой темой в команде. О нём говорили везде: в столовой, в раздевалке и даже на тренировке не упускали случая перекинуться парой фраз. Его благоухающий и чистый вид стал большим раздражителем у девчат. Для остроты своей неприязни они придумали ему прозвище – Пижон.

Сейчас за столом обсуждался пахучий одеколон мужчины.

– Раньше в лесу пахло хвоей.

Ульяна услышала голос Верки.

– Ещё пахло подгорелым луком. Это как сигнал нам, что пора на обед. И мы, как голодные волчицы, неслись в столовую. А теперь вместо лука и хвои один мерзкий запах парфюма по всему лесу. Спасения от него нет. И даже здесь, у нас, в комнате. Безобразие! – Девушка толкнула Ульяну. – От тебя воняет, как от твоего Пижона. Я знаю, что не спишь. Прекрати тренировки. Мы беспокоимся за тебя.

Ульяна понюхала руки: «Болтают! Никакого запаха!»

Закончив обсуждать одеколон, девчата перебрались на спортивный костюм Леонида. Каждая деталь одежды была тщательно разобрана. Единодушны были в одном, что не каждый мастер спорта может позволить себе такой. Классная импортная вещь! Везёт же людям!

Перед тем как разойтись спать, они ещё погадали и поспорили, сколько лет «престарелому старцу» и как уберечь «дурёху» от его кошачьих глаз.

Девчата уснули, а Ульяне не спалось: «Он меня поцеловал!»

Это был первый поцелуй девочки. Она терялась в догадках: «Почему он так поцеловал?! Так целуют, когда любят!» Она видела это в кино. Значит, её полюбили! И от мысли, что её полюбили, юное тело обдало жаром. Она теперь такая же взрослая, как и девчата, которые уже целовались с мальчишками. Ульяна вспомнила, как, закатив глаза, Верка делилась своим секретом, как сладко целуется Женька. Но, в отличие от подруги, её поцелуй был кислым. Кислоту дополнял ещё и противный привкус калины. И как же ей теперь быть? Если Леонид её любит, если так поцеловал, то и она должна его полюбить. По-другому не выходит!

Ульяна тихо застонала, вспомнив, что не сказала на тренировке о главном. Рано утром они уезжают из «Берёзовой рощи».

– Ты долго будешь дрыхнуть? – Павел настойчиво потянул Леонида за ногу. – Ты проспал самое интересное, старик!

– А что было интересного в этом забытом богом месте? – Леонид открыл глаза и резко зажмурился.

Луч солнца, пробиваясь через узоры замёрзшего стекла, светил прямо в лицо.

– Первое – это закончился обед. И я уже пообедал. – Павел включил телевизор.

– А второе? – поинтересовался Леонид.

– А второе. – Посмотрев на друга, Павел усмехнулся. – Пока ты почивал в объятиях Морфея, твой личный тренер укатил. Вместе с ней укатили спортсмены, винтовки, лыжи, палки. И куча всякой хуры-муры. Загрузили целый автобус.

Леонид резко сел.

– Как укатила? Может, ты напутал?

– Я напутал? – Пашка поперхнулся. – Да я им, ей в особенности, помогал вещи загружать в автобус. Хочу заметить, что у тренерши был несчастный вид. Она с тоской смотрела на окна, и мне показалось, что хотела кого-то увидеть.

– А ты как там оказался? – Нотка ревности прозвучала в голосе Леонида.

– Пока ваша светлость здесь высыпалась, я спустился в холл за газетой. Там и увидел сборы команды. Я вот что подумал. – Павел сморщил лоб, показывая, что усиленно думает. – Как они умудряются таскать такие тяжести? У твоей тренерши винтовка тяжелее, чем она сама. И почти в её рост. Сразу не поймёшь, кто идёт. Не то человек, не то винтовка!

– Почему она мне вчера ничего не сказала?

– Наверное, ты её чем-то разволновал.

– С чего ты взял?

– Ты бы видел своё блудливое лицо в ночи. – Голос Павла прозвучал серьёзно. – Она хоть школу окончила?

– Не знаю. Не спрашивал. – Леониду стал неприятен разговор. – Но мне стало с ней интересно. Ты же знаешь, как я живу последние годы. Девочка что-то во мне пробудила. А что – я ещё не понял.

Леонид оделся и прошёлся по комнате. По телевизору показывали местные новости. С экрана знакомое лицо рассказывало о выполненных итогах пятилетки. Молодой человек подошёл к окну. Наблюдая за снежинками, вспомнил прогноз погоды. К вечеру обещали вьюгу. Проводить время без звонкого смеха и без тренировок стало скучно. Особенно без калины, где так сладко научился высасывать ягоды!

Леонид засопел.

– Старик! Я возвращаюсь в город. Пошёл вызывать служебную машину.

Стариком друзья назвали друг друга ещё со студенческой скамьи. Это было модно. Такое обращение показывало взрослость и дружбу.

– Что за спешка? У нас два дня в запасе.

– Не могу! Работа зовёт. – Леонид показал на экран. – Директор завода сигнал даёт, что без меня его пятилетка коту под хвост.

Недовольно ворча под нос, Леонид вышел из номера. Пашка не прислушивался, но последнюю фразу услышал.

– Скучно без калины!

– Наш Лёнечка, кажется, влюбился, – пропел Пашка вдогонку другу и полез в шкаф собирать вещи.

Леонид позвонил Пашке на следующий день.

– Старик! На Валдай не хочешь слетать?

– Куда, куда? – удивился Пашка. – На Валдай? Что у тебя за дела там?

– Командировка.

– Странная командировка. У тебя они в основном за бугром или в столице.

– Я по линии профкома. Направили поддержать спортивную команду!

Леонид не стал рассказывать другу, что, вернувшись в город, он позвонил директору спортивного общества «Трудовые резервы», Александру Петровичу. Их пути частенько пересекались на городских совещаниях и заводских мероприятиях. Завод был основным спонсором «Трудовых резервов». Лёгкий трёп о рыбалке, на которой как-то оказались вместе, плавно перешёл на спорт.

– Хорошая команда. – Леонид похвалил спортсменов.

– Команда стабильная. Спасибо тренеру, Мишке. Скоро отчётное собрание, и нам есть чем отчитаться.

– И чем же?

– Как чем?! – В голосе директора спортивного общества зазвучали горделивые нотки. – Первыми местами и местами в первой десятке. Мы на вашу спонсорскую помощь закупили пластиковые лыжи. Показатели явно полезли вверх. Я надеюсь, что одна наша звёздочка может стать мастером спорта.

– А где сейчас команда со звёздочкой?

При упоминании звёздочки настроение у Леонида заиграло.

– Уехали на Валдай. Там проходят соревнования. Две гонки и эстафета. – Александр Петрович высказал сожаление: – Сам поехать не могу. Дела. Вот сижу и ломаю голову, кого бы направить.

– Я поеду. Голову можешь не ломать. – Леонид обрадовался удачному стечению обстоятельств. – Есть повод посмотреть, как работает спонсорская помощь.

Переговорив с Александром Петровичем, набрал справочную аэропорта. Самолёт вылетал вечером, и было время собраться. И было время подумать. Пашка прав, она слишком юна. Его жизнь давно устоялась, и менять её он не собирался. Слишком много обязательств, которые просто так, с разбегу, не решить. Встреча в «Берёзовой роще» – это просто случай, который встряхнул его, зарядив ребячеством. Оказывается, ещё осталось в нём что-то от прежнего Леонида.

«Как же быть?!»

Поцелуй у калины не давал покоя. Мужчина постоянно чувствовал его на своих губах.

«У неё это первый поцелуй!»

– У девочки поцелуй, а у меня что? – вслух произнёс Леонид и сам себе ответил: – А у меня наваждение. Поцелуй и она, застывшая в нём.

Леонид подошёл к окну. Сомнения закрались в душу. А может, не лететь? Но ощущение горячего тела, затрепетавшего в его руках во время поцелуя, подтолкнули к действию. Уж больно хорош он в состоянии, когда всё пульсирует и поёт. Его настроение заметили даже на работе. Слетает на подзарядку.

– Леонид Борисович! Бронировать одноместный номер или двух?

Секретарь уточняла детали командировки.

– Двух! И заказать билет на Павла. – Решение пригласить друга пришло мгновенно.

Пашка будет стопором его желаний, и он набрал номер друга.

Друзья стояли переминаясь от мороза с ноги на ногу. Пашка оказался мудрее. Одет он был в шубу и меховую шапку. Леонид же в ярко-голубой спортивный костюм, который совсем не спасал от холода.

– Хорошо, что додумался надеть тёплый свитер под куртку, – похвалил себя Леонид, приплясывая от мороза.

К началу соревнований друзья опоздали. Не испытывая к биатлону большого интереса, решили отойти в сторону, а не толкаться на трибуне со всеми болельщиками. То, что в биатлоне главное – стрельба, они не знали, поэтому, отойдя от стадиона, встали рядом с небольшой группой мужчин. По их разговорам и по тому, как они подгоняли спортсменов, поняли, что это тренеры.

– Старик, а мы её узнаем? Они все одинаковые. Шапки, очки и комбинезоны. Брр! Ну и мороз! – Леонид снова запрыгал, стараясь согреться.

Пашка не ответил, внимательно наблюдая за появившейся спортсменкой, которая легко и красиво скользила по лыжне. Подбежав поближе к ним, спортсменка споткнулась.

– Убью! – рявкнул стоящий рядом с ними мужчина.

Спортсменка ойкнула и, резко оттолкнувшись палками, побежала в сторону стадиона.

– Понаблюдаем за номером двадцать четыре. Мне кажется, что это Ульяна. – Пашка показал на убегающую спортсменку.

Со стороны стадиона послышался шум.

– Мы зря здесь стоим. – Пашка посмотрел на замерзающего друга. – Нам надо туда, где стреляют. Пошли на стадион.

И друзья побрели в сторону стадиона.

Вспоминая наставления тренера, спортсменка из последних сил преодолевала затяжной подъём.

– Если силы кончились, включаем терпение, – повторял Убью на каждой тренировке. – И ловим ещё кураж.

Вот этот кураж, пойманный у калины, и заставлял её проталкивать отяжелевшие ноги вперёд.

«Любит! – Одна нога вверх. – Не любит! – Вторая нога в подъём. – Любит, не любит! Любит, не любит! – Ноги работали как лепестки ромашки, отрывающиеся при гадании. – Если подъём закончится на любит, значит, любит! А если нет? – Ульяна посмотрела на вершину горы. – Буду гадать снова. Любит! Не любит! – Руки заработали активнее, помогая уставшим ногам скользить вверх. – Терпи! Осталось немного. И ты узнаешь, любят тебя или нет».

Глубоко выдохнув в конце подъёма, оттолкнувшись и приняв стойку перед спуском, спортсменка полетела вниз, понимая, что не успела понять, чем же закончилось гадание. Отвлекла усталость. Стараясь себя успокоить, решила на следующем круге снова погадать. Сейчас необходимо было настроиться на стрельбу.

Первую стрельбу лёжа Ульяна отработала отлично. Ногами уступала. Но у неё всегда так. После пятисот метров она начинала задыхаться и бороться с желанием сойти с дистанции. Это желание подогревалось противным голосом лени.

«У тебя нет сил на равнине, а впереди подъёмы, – ныл голос, давя на жалость. – Ты не осилишь. Сойди сейчас. Это лучше, чем в конце дистанции. Притворись больной. Тебя поймут. Всё знают про твой серьёзный вывих и больное колено».

Преодолевая занудство, спортсменка продолжала бег.

«Ладно! – не сдавался голос. – Это было в конце сезона. И ты подлечила колено. Но оно продолжает временами болеть. Я знаю, как ночами, особенно в непогоду, бродишь приведением по коридорам, не зная, как утихомирить боль. Сойди! У тебя есть оправдание – серьёзный вывих. Хорошо! Не жалко колена, вспомни про обмороженные ноги! Вспомни, как оттираешь их от мороза, рыдая белугой. Сойди! А твои уши? Большие лопухи, как называют их мальчишки. Они смеются, а ты обижаешься на них. Мы ещё не вспомнили про руки. Сойди!»

Ульяна продолжала бежать, не поддаваясь уговорам, и у спортсменки открывалось второе дыхание, и появлялись силы. Хотелось бежать и бежать, скорее, лететь к своей любимой стрельбе.

На смену противному голосу лени приходил голос труда и терпения.

«Умница! – подбадривал он спортсменку. – Выдержала. Не сошла. Скоро стрельба!»

К стрельбе Ульяну пристрастил отец, главный лесничий лесхоза. И на лыжи дочку поставил тоже он. Сначала были лыжи-самоделки, как называл их отец. Две отструганные доски, умело закруглённые в начале. Кроме лыж, отец мастерил кормушки для птиц и зверей, куда они возили корм. Она на своих самоделках шла по широкой лыжне отца, который, передвигаясь на охотничьих лыжах, тащил на салазках корм, чтобы поддержать зверей в суровую зиму. Девочка помнила, как дорогой она постоянно задавала отцу вопросы. Ей было интересно знать, почему у ёлки колючки, а у деревьев листья, почему сейчас зима, а летом лето или почему идёт дождь или падает снег.

Увидев новую лыжню в лесу, поинтересовалась:

– А куда ведёт эта лыжня?

– Лыжня ведёт к людям, – ответил отец.

Повзрослев, стала самостоятельно развозить корм лесным зверям. Заскучав в дороге от своего молчания, начинала петь. Среди заснеженного тихого леса устраивала концерты, остановившись на отдых. Её слушателями были белки, зайцы, птицы, застывшие сосны и горделивые дубы. Сороки и вороны замолкали, когда голос сначала тихо, а потом всё громче разносился по лесному безмолвию.

Ульяна очень любила зиму. Зиму снежную, морозную и вьюжную. То запорошённую белым снегом, то мохнатую от ажурного инея, то с трескучим морозом, то с вьюжистой метелью. Зима была разная, но всегда гордая и строгая. Девочке казалось, что зима – это летящая над землёй белая и светлая птица, от взмаха крыльев которой сердца людей заряжались добром и любовью. Но тишину зимы она любила особенно. Тихую, тихую. До звона в ушах.

На день рождения отец подарил ей настоящие лыжи. А к лыжам – ботинки, которые были на два размера больше.

– Ты слишком быстро растёшь, дочка, – засмеялся отец. – Когда зима наступит, они могут быть малы. Ботинки на вырост.

И ещё отец подарил палки. Настоящие лыжные, а не срубленные ветки дерева с заострённым концом. Она долго гладила серый алюминий, наслаждаясь гладкой поверхностью. Это было огромное счастье. Лыжи. Ботинки. Палки. Никто в классе не мог похвалиться тем, что есть у неё. Такого не было и в школе. Школьные лыжи крепились на валенки.

Свой лес и свои делянки школьница пробежала на лыжах вдоль и поперёк. Ей была знакома каждая лыжня, каждый поворот, каждое дерево и каждая горка. Без лыж в зимнее время Ульяну никто не видел.

А потом появилась стрельба. Девочку восхитила меткая стрельба отца, когда он взял её с сбой на охоту.

– Папочка, научи меня стрелять. Хочу быть такой же меткой, как ты.

Желание выстрелить было больше чем нравоучения отца. Она прослушала, что такое отдача после выстрела. Стараясь казаться взрослой, оттолкнула отца раньше, чем прозвучал выстрел. Сильный толчок в плечо задел лицо. Ульяна упала в снег. Из губ текла кровь.

– Это ружьё. Оно могло убить. Стрельба не любит суетливости, – впервые отругал дочь отец.

Он не разговаривал с Ульяной всю дорогу. Но на этом его наказание не закончилось. Вернувшись домой, поставил дочь в угол. Это было так обидно, что слёзы потекли градом. Она пострадала, а её наказали.

– Не подходить и не утешать, – приказал отец жене и старшей дочери. – Пусть постоит и подумает.

Желание научиться стрелять усиливалось каждый раз, когда отец собирался на охоту. Но после того случая он остерегался брать дочь, как она его ни умоляла. И всё же отец сжалился.

Охотника из неё не получилось. Ульяна выстрелила, как учил отец. Попала с первого выстрела и побежала за своим трофеем. Но, увидев убитую утку, поняла, что стрелять по живому больше не сможет. Бусинки глаз утки, тускнея, превращались в стекло и смотрели на неё осуждающе: «Ты меня убила! За что?»

Красным пятном на белом снегу растекалась кровь.

– Что я наделала! Я убила жизнь! Как я могла?! – Ульяна упала в снег рядом с трофеем и зарыдала. Рыдала долго, громко и навзрыд.

Рыдала целую неделю, повторяя:

– Я! Я! Я! Это сделала я! Я убила жизнь! Я!

Взгляд уходящей жизни ещё долго преследовал девочку.

– Если по живому стрелять не можешь, тогда стреляй по банкам, – предложил отец, видя плачущую дочь. – Для девочки не обязательно быть охотником. Девочка должна быть женой и матерью.

Отец поставил консервную банку на пенёк дерева. Так Ульяна научилась метко стрелять. Сначала мазала, а потом била в самую точку, которую предварительно рисовала в центре.

– Глаз как алмаз, – похвалил отец, – метко стреляешь. Молодец!

А в скором времени отца не стало. Он погиб во время лесного пожара, сбивая пламя с ёлок и деревьев. И Ульяна осталась с мамой и старшей сестрой.

Спортсменка выбежала на равнину, и сердце ёкнуло. Яркий синий костюм сильно выделялся среди тёмной толпы. От неожиданности Ульяна споткнулась, замедлив ход. Грозное «Убью» раскатилось по поляне.

«Почудилось. Посмотрю внимательнее на следующем круге».

До самого стрельбища синий костюм будоражил сознание, мешая восстановить дыхание. Промазала первым выстрелом. Трибуна ахнула.

«Как? Моя любимая стойка. Я на ней никогда не мажу», – спортсменка не верила своему промаху.

Побежала к штрафному кругу, несколько раз оглядываясь на мишень. Так и не поняв, закрыта она или нет, остановилась.

«Может, не на ту мишень смотрю?»

Начала считать, но грозный окрик «Убью» остановил счёт.

«Любит! Не любит! Любит! Не любит!» – частила на подъёме Ульяна.

Ноги сами бежали, а лыжи скользили, словно по маслу. Ей уступали дорогу.

– Вот метелит! – неслось спортсменке вслед. – Не догнать.

За поворотом начиналась равнина, где она видела синий костюм. Но вместо синего костюма стоял Убью и грозил кулаком.

– Ты вторая. Минус восемь, – крикнул он, когда она пробегала мимо. – Дожимай! Первое место будет твоим.

«Дожму».

Ульяна прибавила скорость.

«Подумаешь, восемь секунд. Четыре раза сказать „люблю“ и четыре „не люблю“. Свою медаль повешу возле фотографии отца. Пусть радуется, какая у него дочка».

Когда девочка принесла первую награду, мать долго держала медаль в руках и плакала. Потом повесила рядом с фотографией отца:

– Пусть гордится твоими успехами.

Со стороны сосен выскочил Вовка. Побежал рядом. Он всегда появлялся в нужное время и в нужном месте. И всегда с ценной информацией. Слово своё сдержал, когда взял её под свою опеку. На тренировках был рядом и не реагировал на её просьбы немного передохнуть.

– Хватит ныть! А то палкой по спине получишь.

Была такая у него манера – треснуть палкой спортсмена, если не выкладывался в полную силу. Его удар был равносилен удару током.

– Идёшь в одни ноги с Розкой. Перед финишем небольшой подъём, сделай себе задел. Розка отличный финишёр, может накатить.

– Дурак ты, Вовка! Это мы ещё посмотрим, кто лучший финишёр. Я или Розка кривоногая. – И Ульяна полетела делать себе задел.

Ноги налились свинцом, во рту пересохло, когда спортсменка выбежала на стадион. Трибуна шумела, и крики болельщиков воодушевили на победу. Активно заработали руки. Пересекая финиш, успела заметить, как кто-то, перемахнув через ограждения, побежал к ней. Один в сером, другой в синем. Подцепив девочку под руки, стали целовать её в щёки. Леонид в одну, Павел в другую.

* * *

– Как быстро проходит время. – Ульяна стояла у окна и наблюдала, как разъезжаются гости. Не оборачиваясь, она явно чувствовала, что мать, читая журнал, незаметно наблюдает за ней: грусть заскользила в словах. – Кажется, только вчера был праздник. Гости разъезжаются. Смеха не слышно. Вот так и жизнь проходит.

– А почему голос грустный?

– Грустный почему? – Ульяна продолжала смотреть в окно. – А мне всегда грустно после Нового года. В детстве грустно было, потому что кончались каникулы. А выросла, – она повернулась к матери, – тоже грустно. Ждёшь Нового года. Ждёшь чего-то нового. Загадываешь, планируешь, надеешься. Ждёшь! – В голосе почувствовалась нервозность. – Новый год наступает, а жизнь идёт по-старому. Разве это справедливо? Новый год и старая в нём жизнь.

– Ой ли! Ты всегда любила Новый год. И всегда любила зиму. Что с тобой?

Ульяна промолчала, а мать вздохнула. Что-то непонятное происходило с дочкой.

«Загрустила. В ресторан перестала ходить. Такое ощущение, что боится с кем-то встретиться».

За окном послышался смех. Группа мужчин грузила сумки в машину. Среди них Ульяна увидела Петровича.

– Зовите меня Васей, – попросил он, когда она в бассейне назвала его Петровичем.

– Нет! Васей я называю кота. Этот кот живёт у нас во дворе, и мы домом его подкармливаем. Не хочу повторения. Мой новогодний любовник не должен ассоциироваться с придомовым котом. Хотя вы, Вася, его копия.

За час плескания с Петровичем в бассейне она узнала, почему Новый год мужчины решили отпраздновать в «Берёзовой роще», а не на светской московской тусовке. Мужики частенько устраивали себе мальчишник, чтобы развеяться от повседневных хлопот. Они же бизнесмены. Новый год в «Берёзовом раю» всего лишь ностальгия по прошлому.

– Я сам, Яночка, из этих мест. Знал этот санаторий ещё в далёкую бытность, когда он был профилакторием. Меня сюда родители привозили на выходные дни. Они работали на заводе, а профилакторий был базой отдыха. Предложил друзьям отпраздновать Новый год на родине. – Петрович фыркнул, стирая капли воды со своего лица. – Правда, одного пришлось долго уговаривать. Но Леонид у нас особенный. Ему на Новый год жаркие страны подавай. Он не любит это место.

– Почему?

– Чёрт его знает. Сказал, что не любит. – И, изменив тему разговора, добавил: – А мы завтра уезжаем, Яночка.

Эта новость и послужила поводом стоять у окна и провожать отдыхающих.

«Посмотрю на него в последний раз».

Встреча с Леонидом на банкете её напугала и очень разволновала. Она его узнала, а он её, как выяснилось, нет. Немного поразмыслив, решила, что это даже к лучшему. Постаралась до минимума свести с ним встречи. Но встреча всё же произошла. Случайно. В такое время, когда она и не надеялась его увидеть.

Она вернулась под самое утро, когда другие видят сладкие предутренние сны. Было тихо, и санаторий спал. Спала и охрана, так что пришлось не раз постучать в дверь, прежде чем заспанный охранник запустил женщину в санаторий.

Лифт не работал. Крадучись поднимаясь по лестнице, напевая мотивчик, который только что слушала по радио в машине, она и столкнулась с Леонидом. Он стоял и курил на лестничной площадке. Лестница освещалась аварийным светом, было полутемно, но она его узнала. Узнала и растерялась, а следом споткнулась.

«Не спотыкаться, – отругала себя. – Хватит дрожать!»

Поднимаясь навстречу мужчине, лучше бы споткнулась, чем выдала такое, отчего чертыхалась и ругала себя весь остаток ночи: «Идиотка! Кто дёрнул за язык сказать ему, что ночью надо спать».

– Я не понял, – ответил Леонид, сверля её взглядом.

– Ночью надо спать или заниматься сексом! – Пришлось разъяснять непонятливому.

Ульяну порадовала новость, что он уезжает. Её страшила его власть над ней. По прошествии стольких лет она опять превращалась в робкую и волнительную девочку. Отсюда смятение и суетливость при встрече с ним. Но она давно другая. А получается, что нет?! Скорее бы уехал. Ей надо думать не о нём, а ради чего она здесь.

Ульяна вздохнула. Рой мыслей крутился в голове. Что за силы, которые опять свели их в этом месте? Кто пересёк их орбиты и почудил над ними снова?

– Мама! Ты веришь в судьбу?

– Верю! В народе говорят, что от судьбы не уйдёшь.

Старая женщина подошла к дочери и посмотрела в окно.

– По-моему, они не все. Кого-то не хватает.

– Я не считала.

Ульяна резко отошла от окна. Достала сигареты.

– Пойду покурю.

– Тебе нельзя курить. Ты знаешь, как эта дрянь действует на твой организм, – попыталась остановить мать и отметила про себя: «Если дочка закурила, это уже серьёзно».

Ульяна знала, как эта дрянь действует на её организм.

Врач скорой разъяснил, когда снимал спазм удушливого кашля, рвоты и сильной головной боли после одного праздника:

– У вас аллергия на табачный дым. Она провоцирует другую аллергию на алкоголь. Совмещение невозможно.

– А как же праздники, доктор? Сухой закон и тоскливое сидение в подвыпившей компании?

– Хотите курить – курите. Хотите выпить – выпейте. Но только всё по отдельности и в небольшом количестве.

В дальнейшем, чтобы не провоцировать свой организм, старалась придерживаться совета врача. Пачка дорогих сигарет могла находиться в сумочке долгие месяцы, так, на всякий случай. Этот случай зависел от компании. Или от сильного волнения.

Повертев в руках сигареты, положила обратно в ящик.

– Мама, а я изменилась?

– Для меня нет. Ты кого-то встретила?

– Да. Но пока не спрашивай меня ни о чём.

Леонид стоял у окна и тоже наблюдал, как его товарищи грузят сумки в машину. Чуть ранее они сидели у него в номере и отмечали свой отъезд. Обычно свой отъезд они называли «На посошок!». А за день до этого он принял решение задержаться на несколько дней в санатории.

– Леонид, то тебя еле затащили в эту глушь, то теперь сам из глуши не хочешь выбираться. В чём задержка?

Товарищи его решение не оценили.

– У меня дела. – Леонид не торопился раскрывать причину своей задержки.

Поднимая рюмку, Петрович поинтересовался:

– Леонид! Что за срочное дело? Приличные дела с фигурками и ножками сегодня сдали номера. Остались пенсионерки по путёвкам. – (Телефонный звонок помешал разговору.) – Тихо! Моя пенсионерка звонит.

Товарищи затихли. По голосу и гримасам Петровича можно было понять, что разговор ему был неприятен. Он то оправдывался, то лебезил, стараясь успокоить жену-пенсионерку.

– Дорогушечка! Не кипятись. Уже выезжаем. Вечером буду дома! – Отключив телефон, изобразил жест, что жена достала по самое горло. – Сегодня моя пенсионерка мне всю плешь протешет. С кем я был? Где я был?

Мужики засмеялись и наполнили рюмки – поддержать товарища.

– Можно было задержаться на пару деньков, если бы молодушки остались, – опрокинув рюмку, размечтался Петрович. – И хрен с ними, с волосами и проевшей женой плешью. Ради стройного тела не жалко выдранного клока растительности.

– Так в чём дело? Молодушка уже есть. Любовница новогодняя, – напомнили товарищи.

Леонид напрягся.

– У-у-у! Вот ради неё я бы отложил отъезд. – Вспомнив про встречу в бассейне, Петрович сладко зажмурился. – Мужики! Я с ней в бассейне столкнулся. Скажу одно: цаца ещё та! А фигурка, м-м-м-м, конфетка.

– А какая у неё талия? – Леонид внутренне сжался, не ожидая от себя такого вопроса.

– А что талия? – не понял Петрович.

– Тонкая? Или… – Леонид замялся, понимая, что больше не знает, какие ещё бывают.

– Талия как талия. Как у всех баб. А вот ножки – стройные.

– А как зовут?

– Яна.

Дальнейшему разговору помешал администратор, сообщив о машине.

Товарищи стали прощаться.

– А я догадался, почему наш Лёнечка не едет. – Петрович задержался в дверях. – Бабу хочет найти!

– Какую бабу? – Мужики остановилась.

– Да ту, что нашему Лёне врезала. Я её за задницу, а она ему под дых.

Леонид нахмурился.

– Как найдёшь, будь осторожен, Лёня. Помнишь, что она сказала? – Петрович был сама серьёзность.

– Напомни всем! – попросили мужики.

Интерес к бабе перебил срочность отъезда.

– Сказала, что тренировалась. А где тренировалась? На животике нашего Леонида. – Петрович подмигнул. – Вдруг дамочку перемкнёт, и она решит спуститься ниже? Амбец мужской гордости.

– Скорее, достоинству. – Товарищи загоготали.

– Вот, вот. Леонид, будь осторожен. Не дай воплотить её гнев в реальность.

– Всё, мужики! – Леонид, не оценив шутки, открыл дверь. – На самолёт опоздаете!

Окно стало последние дни излюбленным местом у Леонида.

Проводив как-то друзей пораньше из номера, он подошёл к окну. Собираясь пофилософствовать перед сном, он отвлёкся на сработавшую сигнализацию машины, а потом на женщину. Молодая женщина села в дорогую машину и уехала в ночь. Но перед тем как уехать, ему показалось, что она посмотрела на окна его номера.

«Ничего себе. Пора спать».

Леонид посмотрел на часы.

«И куда мы навострили колёсики в столь поздний час?»

Леонид простоял у окна почти всю ночь, надеясь дождаться её возвращения. Уснул под самое утро, а когда проснулся и посмотрел в окно, машина стояла на месте. Всё повторилось и на следующий вечер.

«Куда её носит?»

Леонид не мог объяснить своего интереса к этой особе. Чем-то она его зацепила. Не то душевной песней, не то теплом тела, которое он уловил под шёлком платья, когда поймал её летящей на колонну. Эта особа интриговала его больше и больше. Хотел с ней завязать знакомство, но днём, в просторах санатория, её было не видно. В ресторан она не ходила, как и на процедуры в лечебный корпус. Мать встречал, а девицу нет. Правда, Петрович обмолвился, что повстречал красотку в бассейне. Но в бассейне ловить встречу с незнакомкой Леонид не хотел – по причине своей нелюбви к таким водоёмам. Предпочитал баню с выходом на реку или морские просторы. Чистые. Светлые. Прозрачные.

Чистоту особенно ценил. За свой чистый и опрятный вид ещё по молодости получил прозвище – Пижон.

Свет как олицетворение тепла. Вероятно, в его жизни этого не хватало. Однажды он почувствовал тепло под тонким эластичным комбинезоном. Но оно ускользнуло, оставив в душе больную рану, которая периодами ныла.

Представление о прозрачности складывал по отношению к людям. Проходя свой жизненный путь, всё больше понимал, что именно прозрачности не хватает, чтобы человеку остаться человеком, а другу другом. В его жизни был один друг – Пашка. Надёжный. Верный. Честный. Остальные же оказались хорошими приятелями, нужными людьми, партнёрами по бизнесу или прилипалами. С годами становилось труднее найти друга, а в суматошное перестроечное время это понятие было забыто. В бизнесе особенно. Тебя кидали, и ты кидал. Каждый дрался за место под солнцем. И это место «под солнцем» он выдрал, скорее, выгрыз, и выгрыз в честном поединке. Ему не в чем себя упрекнуть. Такое было время. Как говорят: пока не перепрыгнешь – не говори «гоп». А он, сказав «гоп», – прыгнул. И у него получилось.

«Куда она мотается? И почему ночью? Очень интересно».

Вот этот интерес и задержал его здесь. От администратора узнал, что женщины пробудут в санатории ещё несколько дней. Чтобы узнать о ночных передвижениях девицы, обратился к давнему приятелю, с которым был знаком по старой жизни в Камнегорске. Встретившись случайно в Москве, мужчины обменялись телефонами. Сейчас помощь начальника постовой службы была очень полезной.

Леонид достал визитку и набрал номер. Поболтав немного о жизни, попросил дать информацию об интересующей его машине.

Смотря вслед уезжающей машине, Леонид вздохнул. Досада и грусть прошлого защемила сердце. Мужчина отошёл от окна и включил телевизор. Новогодняя передача «Песня года» ворвалась в номер, нарушив тишину. Страна веселилась и праздновала, а он снова копался в прошлом. В прошлом, в котором ничего невозможно было изменить. Он пожалел, что не уехал с товарищами.

«Фотография девять на двенадцать», – звучал хрипловатый голос с экрана телевизора.

«Эта девица тоже блондинка».

Первый раз, близко, Леонид столкнулся с ней вчера. Смотря на сумрачный лес в ожидании её приезда, увидел, как подъехала машина. Решение пришло мгновенно. Схватив сигареты, Леонид выскочил из номера. Лифт не работал.

«Отлично. Остаётся лестница». И он вышел на лестничный пролёт.

Девица поднималась по лестнице и тихо пела. Ругая себя за желание с ней познакомиться, мужчина упорно стал дожидаться её на площадке. Похвалив себя за предусмотрительность, что захватил сигареты, закурил. Своё появление в столь поздний час можно было свалить на бессонницу. Не спалось, вышел покурить. Но познакомиться с ней не получилось. Слова девицы вогнали его в ступор, не дав быстро осмыслить сказанное. Пока дошёл смысл, что ночью надо спать или заниматься сексом, она уже проскочила мимо.

Стараясь заглушить досаду неудачного свидания, нервно гася сигарету, тихо прошептал вслед:

– Шалава!

Леонид вернулся в номер очень недовольный собой.

Мужчина закрыл глаза, стараясь представить образ той, что занозой сидела многие годы в сердце. Память выдала шапочку, надвинутую на самые брови, тёмные очки и винтовку, смешно вздрагивающую на худеньких лопатках подростка. И серебристый смех, преследовавший его с новогоднего банкета. И это место, «Берёзовая роща».

За годы, как уехал в Москву, он был здесь всего два раза. Сейчас и несколько лет назад, когда принимал решение по случаю будущего существования профилактория. Приехав принимать дела, Леонид не мог представить, что бильярдный стол, стоящий в холле и покрытый пылью, за которым он с Пашкой гонял шары, навеет на него грусть. Нахлынувшая грусть погонит мужчину туда, где он научился высасывать калину. Он, взрослый, состоявшийся мужчина, вдруг осознает там, что вся его жизнь, выстроенная им для бичевания своей значимости, карьерного роста, силы и величия, разобьётся об эту калину с кислыми мороженными ягодами.

Тонкая душа романтика, которую считал своей слабостью, спрятанная им глубоко внутри, закрытая ширмой, замурованная в бетонный монолит, обложенная каменной кладкой, прорастёт вновь у той калины. Прорастёт, как прорастает зерно, брошенное в почву и ждущее времени своего всхода. Он смотрел на ягоды калины, набирающие свою спелость, а видел пухлые детские губы и слёзы, стекающие серебристыми стразами по щекам. Нагнув куст, он уколол палец. Заноза закровила, напомнив о девочке с пакетом в руке.

– Прости, калина! Почему допустил?

Леонид вернулся в Москву и окунулся в работу. Работа была единственным спасителем душевной боли. Заноза, оставленная в душе, часто давала о себе знать. То затихала, то обострялась. В период обострения самоедство загрызало мужчину до полного душевного опустошения. Он готов был обратиться к врачу, но одна мысль пугала его, что всесильный волчара, которого побаивались сотрудники и опасались партнёры, сидит у психиатра и жалуется на душевную рану.

В момент такого душевного неравновесия Леонид попал на одну из вечеринок. Изрядно выпив и прихватив бутылку виски, отпустил служебную машину и пошёл бродить по ночному городу. Так оказался в городском парке. К нему на лавочку подсел незнакомый мужчина – возможно, такой же одинокий, как и он. Леонид рассказал незнакомцу о своей жизни. Рассказал о своём детстве, как играл с телёнком, который жил зимой за печкой. Как кормил его со своей маленькой ручки хлебом, доедая оставшиеся за ним крошки. Как бегал от злого гусака и ухаживал за маленькими гусятами. Как катался на велосипеде по непролазным дорогам. Как помогал отцу косить сено, а с матерью перебирал картошку. Как приехал в столицу и поступил

в престижный вуз. Как отказался от аспирантуры и поехал туда, где морозы сильнее, чем на родной стороне. Как стал заместителем директора большого завода. Он думал, что должность предложили за его настойчивость, за волевой характер, энергичность, за доброту и честность, порядочность и отзывчивость. За его красный диплом. Но – он ошибался. Назначение как аванс за дочь. Вот так он стал зятем директора завода. Красота жены его одурманила, а её умение повелевать мужчинами сделало его послушным и безропотным телком.

Первое время он был доволен собой, своим положением и своей значимостью. Стараясь соответствовать новому образу, стал стесняться деревенского происхождения, как и своих родителей. Стеснялся всего, что отличало от золотой молодёжи, среди которой он находился. Леонид стремился себя переделать, вопреки своему я. Он научился пользоваться ножом и вилкой. Научился жить по правилам золотой молодёжи. Научился угождать жене и тёще. Но это оказалось в жизни не самым важным. Это он понял позднее. Работа учила правилам поведения, общению и деловому этикету, и со временем он догнал тех, на кого равнялся. И стал выше. Но для них так и оставался «деревенщиной».

Конечно, жизнь в деревне проста и ясна. Люди открыты, и отношения между ними как родниковая вода, в которую смотришь и видишь дно. Чисты и прозрачны. Там существует два понятия – хорошо и плохо. Там нет зависти и корысти, а об интригах и говорить нечего.

Леонид вздохнул.

– С новой жизнью я похоронил в себе романтика и мечтателя. Я стал прагматиком.

И вот теперь, казалось бы, у него всё есть, он многого достиг, многому научился, но не хватало тепла, чистых отношений, простоты и ясности. Не хватает пухлых детских губ, высасывающих калину, серебристого смеха. Не хватает удовольствия есть обыкновенной ложкой простую картофельную запеканку. Его жизнь заполнило одиночество. А совесть не даёт покоя спокойно жить – от той подлости, которую он совершил. И от этого ему тяжело и больно.

Незнакомец чувствовал боль Леонида. Бутылка виски давно закончилась, а мужчины продолжали сидеть, наблюдая за меркнущими звёздами в наступающем утреннем рассвете.

– Тебе надо её найти. Вы не договорили, – посоветовал незнакомец.

– Я искал.

– Тогда всё на усмотрение… – И незнакомец поднял руки к небу.

Сейчас Леонид снова в «Берёзовой роще». Не хотел ехать, приятель уговорил. Да и Пашка приснился.

«Почему она заволновалась?» – эта мысль не давала Леониду покоя.

«Кто она?»

Он был уверен, что девица была взволнована и напугана. То, что напугана, можно было объяснить: встреча на тёмной лестнице и в позднее время. Но почему заволновалась? И весь этот бред, сказанный ею, – это маскировка, чтобы скрыть волнение. Кто она?

Её ночные отъезды и приезды под утро, дорогая машина, шубка и мягкий ненавязчивый стиль одежды: всё стильно, неброско, но и не дёшево. Совсем не хотелось так думать, но всё указывало на то, что девица на чьём-то денежном содержании. Это в лучшем случае, а в худшем – обыкновенная элитная проститутка, позволяющая себе дорогие вещи и машины. И дорогие номера санатория. Но почему с ней мать? Женщина не вписывалась в картинку. Проститутки и любовницы с собой матерей не возят. Он это знал.

С проститутками дел не имел, а любовницы у него были. Самые разные. И скромные, и требовательные, и без всяких моральных принципов. С последними он расставался сразу. Эта плеяда современных любовниц вызывала у него раздражение. Если в былые времена любовная связь держалась строго в секрете, то теперь этим хвалились прилюдно. Любовная связь стала модным направлением. Её перестали скрывать. А на работе стала даже престижной.

– Меня выбрал шеф. Я звезда, а вы плебейки.

В такой ситуации больше возмущали мужья, которые, зная проделки жён, включались в обсуждения, хвалясь своей супругой. Мир перевернулся! Леонид имел один раз такую связь, по дурости, пошёл наперекор народной мудрости: не гадь, где живёшь. Завёл служебные отношения с сотрудницей. Сначала уволил мужа, когда в офисе услышал хвастливые оды про жену-красавицу, выбранную шефом. Следом за мужем – жену, любовницу одной ночи, без стеснения устроившую разбор полётов с неугодными ей сотрудниками.

Больше такого себе не позволял.

Скромница задержалась в жизни Леонида немного дольше. Он был готов привести в свой дом на правах гражданского брака, как скромница выставила условия. Статус законной супруги и штамп в паспорте. Леонид был не готов узаконивать брак. Такая, со статусом и штампом, уже была в его жизни. Так и не дождавшись законного статуса, скромница превратилась в требовательную фурию, с которой еле расстался. Леонид её понимал. Понимал всех женщин, обделённых сильным мужским плечом. Каждая мечтала выйти замуж, и каждая желала иметь мужа. И все толки свободных женщин о независимости, о дремучих предрассудках штампа в паспорте – обыкновенные бредни неустроенных особ, обделённых мужским вниманием. Сделай предложение – не задумываясь, бросились бы в загс. Но он был женат, и жениться официально не собирался. Да и калина, как заноза, сидела в душе. А если встретит?

«Ага!»

Леонид заметался по номеру. Он чуть не пропустил приезд девицы.

«Как-то сегодня не по расписанию. Рано вернулась. Я ещё не ждал».

Заметался по номеру, ища сигареты. Сигареты были найдены, но не нашлась ложка для обуви. Чтобы не терять драгоценного времени, засунул ноги в кроссовки, не завязывая шнурки: «Так быстрее! Я на пару минут. Покурить в коридоре».

Пробегая мимо зеркала, бросил оценивающий взгляд: «Лёня! Я тебя не узнаю!»

Выскочив из номера, бросился к лифту. Лифт не работал.

«Очень хорошо. Если лифт не работает, идут пешком. Значит, снова лестница».

Леонид выбежал на лестничный пролёт и поспешно достал сигарету. Чиркнул зажигалкой, но она не загорелась.

– Что за чертовщина?!

Молодая женщина была уже рядом. Будь на работе, он бы выбросил зажигалку в урну. Не пожалел бы, что коллекционная и стоит немалых денег. Но он не на работе. Хотя как знать?

«Я, Леонид Борисович, теперь ночной сторож, – поиздевался сам над собой. – Каждую ночь на посту. Сторожу приезд девицы».

Зажигалка загорелась, когда девица поднялась на площадку, где он стоял.

Ульяна не удивилась, увидев мужчину. Что-то ей подсказывало, что она с ним встретится. Вчера получилось неожиданно, отчего она разволновалась. Разволновалась и сказанула то, что сказанула. Сегодня, чувствуя, что встреча будет, дала установку пройти мимо и не разговаривать. Усмехнулась, увидев болтающиеся шнурки и сигарету, закуренную не тем концом: «Волнуется! Шнурки не завязал, сигарету не так прикурил, перестаёт быть пижоном!»

Глаза молодых людей встретились, и девица улыбнулась. Кивнув в знак приветствия, прошла мимо, твердя как мантру: «Не волнуйся! Молчи!»

Не смолчал Леонид. Видя, что девица проходит мимо, губы мужчины невольно скривились и произнесли:

– Про секс вам пока ничего не могу сказать.

Следом стукнула мысль: «Что за хрень ты несёшь?»

– Приглашаю вас на шампанское, – губы говорили, а мысль стучала: «Совсем сдурел!»

Девица уставилась на мужчину. Втянув голову в плечи, Леонид обдумывал сказанную им ересь про секс и шампанское. Губы мужчины были плотно сжаты. Он не мог определить,

в каком положении они должны быть, чтобы не произнести очередную ерунду. Затянувшуюся паузу прервала девица.

– Коньяк, – брякнула она.

– Что коньяк? – не понял Леонид.

– Я пью коньяк. Будет коньяк – приму приглашение.

– Конечно, конечно, – обрадовался Леонид. – У меня мини-бар в номере. Надеюсь, там найдётся коньяк.

Мысленно поругал себя за бардак, который остался после отъезда друзей (пустые бутылки так и остались стоять у стола): «Завтра кто-то получит за это!»

– Если коньяка не будет, разгоню весь санаторий к чёртовой бабушке, – ляпнул он, открывая дверь номера.

– Какую бабушку вы разгоните?

Глаза гостьи смеялись.

– Да я так, сам с собой. – Леонид замялся. – Не обращайте внимания. Прошу!

Номер встретил вошедших людей темнотой.

Ночная гостья задержалась в дверях.

– Темно. Ничего не видно.

– Сейчас мы подключим электрификацию всей страны. Секундочку. – Мужчина протянул руку к выключателю, чтобы включить свет.

– Чур, без верхнего света. У меня от яркого глаза болят, – остановила его гостья.

– Конечно, конечно. Если не желаете верхний свет, я включу ночник.

Продвигаясь в темноте к торшеру, задел ногой бутылку. Падая, она издала резкий звон. Леонид дёрнулся и неуклюже повернулся, задев рукой графин на столе. Графин упал и разбился.

– Вот чёрт! Какой же я неуклюжий! Всё в кучу. И бутылка, и графин. Я сейчас уберу. – Леонид виновато посмотрел на гостью.

– Я помогу. Мне нужна корзина для осколков.

Гостья присела.

– Сейчас, сейчас! – Леонид засуетился.

Ситуация с разбитым графином его озадачила. Такое с ним случалось, много лет назад. Но тогда была бутылка, а сейчас графин. Небольшая разница, но это не меняло сути. Леонид бросал взгляды на гостью, стараясь понять, почему происходит такая закономерность.

– Вот и собрали. – Гостья поднялась, чувствуя себя не слишком уверенно под пристальным взглядом мужчины.

«Скорее бы узнал!»

Но – Леонид её не узнал. О чём они говорили? Да обо всём понемногу. Ульяна была спокойна, мило разговаривала и даже не краснела, ловя на себе изучающие взгляды мужчины. Ждала, что он сейчас произнесёт: «Это ты?» Но – он не узнавал.

Приглушённый свет ночника, тонкий аромат выстоянного коньяка, лёгкий хмель, и она оказалась у него в постели.

«Хоть бы здесь узнал!»

– Слушай, а ты хороша, – её похвалили. – У тебя это неплохо получается.

– Что неплохо получается?

– Быть страстной. Если бы не наше спонтанное знакомство, можно подумать, что мы с тобой давние любовники. Встретились случайно после долгой разлуки. – Мужчина дотронулся губами до разгорячённой кожи гостьи. – Столько нежности в тебе. И ещё, ты классно целуешься. Кто тот учитель, который научил тебя так целоваться?

Грустно усмехнувшись, Ульяна села на краешек кровати.

– Включи свет, – попросил Леонид, – Я хочу посмотреть на тебя при свете.

– Я не люблю, когда меня рассматривают при свете. Ты тоже хорош в постели. Чувствуется большой опыт. Наверное, в ней побывали и девочки, и девушки, и умудрённые женщины? – Гостья постаралась голосу придать игривый тон.

Леонид поддержал тон и заговорил таким же.

– Конечно. И умудрённые женщины, и девицы. – И, не давая отчёт словам, с гордостью: – И даже девочка.

Гостья застыла.

– С умудрёнными женщинами понятно. – В голосе гостьи была пустота. – Ну а как девочка?

При упоминании девочки игривое настроение пропало, и Леонид замолчал. Ульяна стала спешно одеваться. Её сумочка упала со стула.

– Слон. Не я буду, если не свалю что-нибудь, – произнесла гостья, собирая дамские принадлежности с пола.

Леониду стало грустно. Он не хотел отпускать свою гостью. Корил за глупость, сказанную про девочку. Это было личное, и он не имел права говорить вслух.

– Останься, – попросил он.

– Не могу. Меня ждёт мама. И она будет ругаться. – Гостья продвигалась к выходу. – Пока!

Услышав о девочке, Ульяна напряглась, решив, что этот идиот, станет ей про неё же рассказывать. Потом разозлилась, что он её так и не узнал.

«Дурень слепой. Знал бы ты, с кем спал и кого хвалил. И в постель я к тебе забралась не случайно».

Войдя в свой номер, Ульяна захлопнула дверь и, привалившись к ней, нервно рассмеялась.

– Зачем ты это сделала? – требовательно спросила мать, наблюдая за дочерью.

– Что зачем?

– Я видела, когда ты приехала.

– Я взрослая девочка, мама. И взрослые девочки иногда хотят остаться наедине с мужчинами.

– Зачем ты это сделала с ним?!

– Ты его узнала!

– Как мне не узнать? Я каждый день на него смотрю. – Мать безнадёжно махнула рукой в сторону дочери.

– Мама! Он меня не узнал. Неужели я так изменилась?

– Для меня нет, а для него – да. Тогда ты была совсем ребёнок, а сейчас ты женщина. Гадкие утята превращаются в лебедей. Как можно в лебеде узнать того утёнка? – Мать снова махнула рукой, показывая, какая непутёвая у неё дочь. – Я сама тебя узнавала по шапочкам, которые тебе вязала. Шапочки, очки – отъезды. Шапочки, очки – приезды.

– Мама, мне захотелось узнать, какой он сейчас. Но я ничего не поняла.

Ульяна прошла в ванную комнату.

– И потом, – крикнула она из ванной, – мы сегодня съезжаем. Ты слышишь! Мы с ним больше никогда не встретимся.

– Как съезжаем? У нас ещё несколько дней осталось.

– Мама! Ты же хотела свидеться со своей любимой дочкой. С Мариной. Вот и будет у вас время пообщаться.

– А ты?

– Я остаюсь. У меня дела. – Ульяна вышла из ванной.

Мать подошла к дочери и, перекрестив её, прошептала:

– С Богом!

Леонид лежал и смотрел в потолок. Он так и не уснул.

«Интересная девица, – размышлял он, наблюдая как тёмные тени на потолке меняют свои очертания. – Сказала „пока“ и ушла. Мама поругает».

Он ухмыльнулся.

«Мама! Как маленькая девочка. Другая осталась бы, посчитав за счастье остаться со мной».

Леонид знал себе цену: уроки бывшей супруги не прошли даром.

«Интересная девица!»

Мужчина перевернулся на бок и посмотрел на столик, за которым они сидели.

Сказала, что любит коньяк, а сама лишь пригубила. Села не в то кресло, которое он предложил, а туда, куда не падал свет торшера. Только сейчас до него дошла хитрость гостьи. Леонид оказался в центре света, а она в тени.

«Да ты, оказывается, ещё и хитрая лиса».

Кого-то девица ему напоминала. Вчера напомнила девочку, с которой ползал и убирал осколки. Сейчас показались знакомыми слова про слона. Где-то он уже это слышал. Но где и когда?

«Что с тобой, Леонид? Ты, случаем, не влюбился?» Он весело засмеялся.

Вспомнилась ночь. Тепло, появившееся внутри, заполнило тело, и оно запульсировало. Мужчине захотелось целовать и обнимать бархатистую кожу гостьи. Как повторить эту ночь? Мужчина не знал, как это сделать. Он никогда и никого не уговаривал. Ему хватало бросить взгляд, который ждали и ловили. За годы, как ушёл от жены, он научился разбираться в женщинах.

Леонид знал, что хорош собой. Знал, что нравится женщинам. Он научился нравиться, как научился быть идеальным любовником. В его жизни были женщины. Но он стал другим. Это был не тот зелёный несмышлёныш, одурманенный и опьянённый красотой и опытом жены, это был зрелый мужчина, осторожный и осмотрительный в любовных делах. Не видел он любви в глазах своих любовниц. Возможно, это была слепота, на которую повлиял его брак. А может быть, в своей жизни видел другие глаза? Сейчас он намного круче. Богат и успешен. Его окружают много женщин, которые ловят его взгляд. Но вот беда: среди них нет тех глаз – наивных, добрых и волнительных.

Мужскую красоту Леонид не понимал. В его понятии, красота мужика заключалась в силе и надёжности. Многие ему говорили, что он красив. Высокий, с годами не потерявший своей стройности, с серо-голубыми глазами, которые к его возрасту особенно оттенялись благородной сединой. Манеры интеллигента и стабильное положение притягивали женщин. А теперь Леонид думал, как притянуть её. Но, кроме лестницы, на ум ничего не приходило. Оказывается, как это сложно – притянуть.

Заноза, заныв, приготовилась напомнить о давнем, и Леонид разозлился.

«Хватит ныть. Сколько можешь мучить? Ты не видишь, что со мной происходит? Когда это было? Когда ждал с тренировок ту девочку. Как наряжался, стараясь ей понравиться. Как специально падал в снег, утаскивая её в сугроб. Как хотел понравиться, поэтому не жалел одеколона, вылив на себя весь флакон за неделю. Хотел обольстить и влюбить в себя».

Мужчина подошёл к зеркалу и долго всматривался в своё отражение, стараясь понять, сможет ли он когда-нибудь ещё полюбить.

«Я хочу её! Я хочу влюбиться и любить». И ему вспомнились слова незнакомца: «Вы не договорили».

Так и не определив, сможет он полюбить или нет, мужчина рассмеялся.

«А может, я уже влюбился?! По самые уши! – рассмеялся легко и заливисто, как в детстве. – Лёня! Неужели ты влюбился?!»

При мысли, что эту ночь проведёт с ней, чего бы это ему ни стоило, Леонид с ребячьей лихостью прыгнул на кровать и заснул крепким сном.

* * *

– Леонид Борисович! Вас вызывает директор, – ожил селектор.

Леонид днём прилетел из командировки. Летал на Валдай, где проходили соревнования по биатлону. Он пожалел, что взял с собой Пашку. Своими словами «Не морочь ей голову» Пашка его раздражал. В отличие от друга он считал, что голову он девочке не морочит, а оказывает знаки внимания и благодарит за время, потраченное на тренировки. Теперь на лыжах он хорошо держал равновесие и с горы не падал. А командировка на Валдай была чисто по общественной работе. Он курирует спортивное общество. И не придерёшься. Появившийся интерес к биатлону тоже хорошо. Оказывается, биатлон, как ипподром. Ставишь на одну беговую лошадку, а прибежать может другая. Дело в стрельбе.

Его «юный интерес» была просто ас в стрельбе. Стреляла быстро и точно. Если мазала, то потерянные секунды на штрафном круге ногами догоняла. Об этом она им с Пашкой поведала на финише. Сначала у девочки был полный ступор, а следом «Ап… ап… ап…», когда они её в щёки с Пашкой целовали. Смотрела, как испуганная лань. Леонид еле сдержался, чтобы не поцеловать в губы.

Тренеры, узнав, кто прилетел посмотреть соревнования, сами в номер прибежали. Долго обсуждали биатлон и проблемы клуба. Пашка, как секретарь, записывал пожелания в блокнот. Успех команды в прошедшей гонке был налицо. Ульяну расхваливали, а лицо Леонида расплывалось в улыбке. Вот здесь он и поймал Пашкин взгляд. И этот взгляд ему не понравился.

Проводив тренеров, вышел на улицу подышать свежим воздухом. Но не воздух ему был нужен, а желание увидеть спортсменку. С конфетами и цветами ввалился в комнату к девчатам, переполошив их не на шутку.

– Мне по общественной работе надо пообщаться с победительницей. – Проходя строй недружелюбных взглядов, Леонид положил коробку «Ассорти» на стол. – Вы здесь, девушки, конфеты кушайте, а мы с Ульяной пройдёмся вокруг гостиницы.

На улице ребячество посетило душу, и Леонид разошёлся. Вспомнив школьную программу по астрономии, рассказывал Ульяне про звёзды и созвездия. Он еле сдерживал своё желание, чтобы не поцеловать девочку, когда она, шевеля пухлыми губами, повторяла за ним названия. Решил не искушать судьбу и, резко попрощавшись, уехал в гостиницу. Пашка понял, где он был.

– Не морочь ей голову, старик. Ты сам можешь доиграться.

– Ты это, Пашка, зря. Я взрослый мужчина, и знаю, когда остановиться.

– Леонид Борисович, – опять заговорил селектор, – вас вызывают к директору.

– Иду.

Леонид нехотя поднялся с кресла.

– Долго идёшь, Леонид. – Директор восседал за столом с кружкой чая. – Говорят, что направление командировок поменял.

Леонид промолчал.

– Не дело моему заместителю общественной работой заниматься. – Директор посмотрел на зама, надеясь на продолжение разговора.

Леонид не ответил.

– Как там спортсмены бегают? Места выигрывают?

Леонид демонстративно отвернулся к окну, а директор грозно рявкнул:

– Ещё долго будешь со мной в молчанку играть?

– Хорошо бегают. Места выигрывают. – Безразличие сквозило в голосе заместителя.

– Откуда интерес к спорту появился? Я этого не замечал раньше.

– А сейчас появился.

Разговор не клеился.

Отпив чай, директор со вздохом произнёс:

– Ты вот что, Леонид, давай возвращайся домой. Хватит людей смешить.

– Я их смешу с тех пор, как принял предложение в обмен на свою свободу.

– Поверь моему опыту: кто помешан на карьере, тот лишается свободы. Карьера и свободная жизнь несовместимы.

– Я не думал, что моя карьера начнётся с прихоти вашей дочери. Я, деревенский дурачок, считал, что карьеры добиваются определёнными успехами, – съязвил Леонид.

– Ты и добился определёнными успехами, – улыбнулся тесть. – Дочь похлопотала.

Улыбка не ускользнула от взгляда Леонида.

– А без вашей дочери я карьеру, наверное, не сделал бы? У меня для этого есть образование и опыт.

– Ты эту карьеру мог бы до самой пенсии делать со своим образованием и опытом, – отмахнулся тесть. – То, что моя дочь в этом поучаствовала, делу не помешало. В нашем случае лишь помогает. – И уже просительнее произнёс: – Возвращайся, Леонид. Сын скучает. И Лёлечка ждёт.

Леонид театрально рассмеялся.

– Лёлечка ждёт. А где эта Лёлечка пропадала две недели? Хотелось бы мне знать?

– Она по делам уезжала, – встал на защиту дочери отец. – У неё был круиз. Горящая путёвка. Мы с женой посоветовались и отправили развеяться немного.

– От чего развеяться? – возмутился Леонид. – От лени беспросветной. Целыми днями, как сивуч на лежбище, лежит на диване. Отоспится, отлежится, а потом ей развлечения подавай. Моего мнения как мужа никогда не спрашивает.

– Ты в это время был в командировке.

– Я всегда в командировке, когда жена в загул уходит. И заметьте, всегда в срочной.

– Ты это брось. – Директор нахмурился. – Ты не путай командировки с личной жизнью. Командировка была плановая.

– Ну и жизнь у меня семейная. – Зять всплеснул руками. – Муж не знает, что жена в круиз отправилась. Ей совершенно наплевать, согласен я с этим круизом или нет. Хочу полюбопытствовать, с кем моя супруга путешествовала?

– С подругой.

– Все её подруги, как доложили мне, на месте были. – Увидев недовольный вид тестя, с вызовом продолжил: – Да! Не только у вас есть осведомители на заводе.

– И кто же, интересно, у тебя осведомитель? Хотелось бы знать, кто он?

– Это у вас – осведомители. У меня – доброжелатели.

– Так что же тебе твои доброжелатели донесли?

– Сказали, что я олень, гордо несущий большие и ветвистые рога. – Приложив руки к голове, Леонид изобразил себя оленем. – И в круиз, как сказали, моя жёнушка уплыла не одна, а в сопровождении своей бывшей любви. Знаете её бывшую любовь? – издевался Леонид не то над собой, не то над тестем. – Юрик, сын бывшего секретаря горкома. Он, как ни странно, тоже на это время выпал из поля зрения людей. На пару выпали. И жены не видно было, и её бывшего дружка.

– Болтают. Я две горящие путёвки на заводе брал. Ей и подруге.

– Хотелось бы в это верить.

– Давай, Леонид, возвращайся. Хватит тебе у Павла жить.

– Так она меня выгнала. Я её королевскому величеству надоел своими нотациями. Она меня видеть не хочет.

– Ну ошибалась, – снова защищал дочь отец. – Свою ошибку осознала.

– Я вообще перестаю понимать свою роль мужа. Про меня вспоминает, когда нужны деньги. Сейчас, наверное, обнищала после круиза! Теперь ей мужа подавай! Хоть бы раз встретила с работы. Чашку чая налила, я уж не говорю об ужине. Хоть бы раз поинтересовалась, устал ли я на работе. Я большего не прошу. Прошу лишь элементарного внимания к себе. – Леонид постучал себя по груди. – Наш семейный диалог состоит из двух фраз: «Хочу!» и «Ты мне надоел!».

– Ну ладно, ладно! – остановил его тесть.

Но Леонида было не остановить.

– Мне надоели её капризы. Мне надоели эти молчанки месяцами. Молчит и не разговаривает. Я не понимаю, за что меня наказывают. Она всю душу мне выела. А сейчас вообще показала на дверь. Я человек! Я хочу семейного тепла! Я хочу спать с женой в одной постели! А мне диванчик отводят постоянно.

– Молодые ругаются – только тешатся. У вас сын растёт. Он переживает и любит вас обоих.

– Вот ради сына и живу!

– Прекрати. – Директор нервно хлопнул по столу. – У вас растёт сын! И ты её любишь!

– Любил! Теперь сомневаюсь, любовь ли это была или слепое безумство. – Злость охватила мужчину, и он, развернувшись, резко направился к выходу.

– Я тебя не отпускал, – прокричал в спину директор. – И не позволю ездить в командировки без моего ведома, тем более по общественным вопросам.

Последние слова директора завода утонули в хлопке дверью, от которого задрожали стёкла в приёмной.

Любовь… Любовь…

Да что он знал о любви, когда женился? Ничего. Если не считать дёрганье косы впереди сидящей одноклассницы. Ещё встречи с девушками, когда Пашка устраивал ему свидания. Он и приводил его на место встречи. Немного посидев возле парочки, незаметно уходил, довольный тем, что его миссия на этом завершена. Пашка уходил, а Леонид, забыв, что на свидании, рассказывал девушке, чем отличается шайба от втулки. Не целовался Леонид из принципа. Считал, что поцелуй – это путь к алтарю. Был очень рад, когда свидания заканчивались сами собой. Учёба была его любовью. Соскучившись по библиотекам и читальному залу, он как голодный волк набрасывался на книги и научные статьи. Вот где была настоящая жизнь!

Первый опыт близости с девушкой случился в студенческом отряде, когда они выезжали в подшефное хозяйство собирать картошку. Всё случилось на спор, где он в первую очередь доказывал себе, а не Пашке, что с физиологией у него всё в порядке. Скрипучая кровать, щитовые межкомнатные стены в обшарканной общаге (казалось, что в соседних комнатах только и прислушиваются, что происходит за стенкой), полная антисанитария, затхлый запах недорогих сигарет вперемешку с запахом селёдки и баночных малосольных огурцов и, самое главное, строго отведённое время нахождения в комнате – всё вызывало чувство брезгливости. Больше в таких условиях повторять свою близость он не решался, а в институтской общаге не всегда была такая возможность. Так что опыта у него, можно сказать, и не было. Была учёба, был красный диплом, была Ленинская стипендия, и было огромное желание проявить себя в больших делах на пользу Родины.

И когда, открыв дверь кабинета директора завода, увидел красивую брюнетку, с величавой осанкой, с глазами цвета спелой оливы, с ниспадающими до самых плеч прямыми воло-

сами, от которых шёл аромат неведомых духов, он влюбился с первого взгляда. Интерес в глазах брюнетки менялся по мере того, как Леонид приближался к ней. Она оценивающе окинула молодого человека с ног до головы, а потом одобряюще подмигнула директору.

– Леонид, – хрипло представился он.

– Эта моя дочь, – сказал кто-то голосом директора.

– Ольга! – пропел приятный голос.

Леонид плохо соображал, что отвечал и что говорил. Он смотрел в глаза цвета спелой оливы и тонул в них, не пытаясь сделать попытки спасти себя в водовороте охватившей его страсти. И Пашки не было рядом, чтобы бросить спасательный круг. Он утонул в глазах спелой оливы, а через некоторое время в её объятиях на широкой кровати дорогого гостиничного номера. Это был настоящий мастер-класс опытной куртизанки. Такого взрыва Леонид никогда не испытывал. А через месяц была пышная и шикарная свадьба. Свадьба собрала много гостей, но с его стороны, кроме друга Пашки, не было никого. Родителей не пригласил, поддавшись уговорам будущей жены.

– Котик! У меня на свадьбу весь уважаемый люд города приглашён. Я боюсь, что твои родители будут среди них белыми воронами.

Леонид, не ожидавший сравнения родителей с белой вороной, сначала растерялся, потом расстроился, а следом согласился. Но, проглатывая ком горечи за родителей, всё же спросил:

– А как же без них?

Ольга ласково прижалась к его груди. Нежно провела своим изысканным пальчиком по его губам и, жарко поцеловав, проворковала:

– Котик! Мы пригласим их в другой раз.

Но другого раза за все эти годы так и не получилось.

Через неделю они уехали в свадебное путешествие на берег Чёрного моря. Родители Ольги подарили молодожёнам путёвку в санаторий. Санаторий встретил их разноцветьем цветущих олеандров, пышными шапками гортензий и необыкновенно красивыми клумбами цветов. Ухоженный парк из пальм и экзотических деревьев создавал для отдыхающих мир отдыха и гармонии. Номер был люкс. Большой балкон открывал изумительный вид на море, которое Леонид увидел первый раз в жизни. Он стоял на лоджии и с замиранием сердца смотрел на морское величие, любуясь бирюзовым цветом уходящей в далёкую безоблачную даль морской глади. Море было такое необъятное, что у Леонида захватывало дух. Молодой человек всматривался в горизонт, стараясь увидеть противоположный берег, но вместо этого видел море, уходящее в небо. Море и небо. А ещё его порадовала солёная вода.

Зачерпывая ладошкой морскую воду и пробуя на вкус, радовался как ребёнок:

– Точно, солёное!

Встреча с морской волной закончилась для Леонида содранной коленкой. Увидев приближающуюся волну, побежал ей навстречу. Он так бегал в детстве, когда купался с товарищами на речке. Там волны появлялись на воде, когда по ней проезжали машины и трактора. С криком «Волны! Волны!» мальчишки бросались на них, ощущая себя морскими волками. Здесь же морская волна встретила Леонида плотной стеной воды. Она захлестнула его, приподняла, перевернула и с силой выбросила на прибрежную каменную гальку. Победоносно обдав пузырьками морской пены, издевательски уползала назад, в морскую пучину. Она уползла, оставив лежать распластанное тело у ног отдыхающих и закатывающейся от смеха жены.

В остальном всё было прекрасно. Он был самым влюблённым и самым счастливым человеком на свете. И главное счастье – его жена. Самая красивая. С любимой женщиной он встретит старость в окружении многочисленных детей и внуков. И если бы не море, они с женой так бы и проводили время в постели, отдаваясь друг другу с безумной страстью. Расцепив объятия, они вдруг вспоминали, что очень голодны и что сегодня не были на море. Прихватив пляжную сумку, бежали в ресторан, а потом на пляж. Леонид плавал, а жена сидела в красивом купаль-

нике, привлекая взгляды отдыхающих. Леонид сравнивал жену с королевой! И эта королева принадлежала только ему.

Это было самое лучшее время в его семейной жизни.

Вернувшись из отпуска, обгоревший, с неровным загаром, сияющий от счастья, не до конца понимая, что читает, Леонид перечитывал приказ. Ознакомившись, побежал к директору.

– Что это?

– Как что? – усмехнулся тесть. – Твоё назначение. Теперь ты технический директор. Мой заместитель.

– Почему я?! – искренне удивился Леонид. – На заводе есть более достойные люди. С большим опытом и стажем работы. Я не проработал здесь и года.

– Ты кого это считаешь достойными людьми? – Директор подошёл к зятю. – Нашу местную вшивость? Нашёл достойных, – пренебрежительно фыркнул. – Да один твой красный московский диплом не стоит их всех, вместе взятых.

– У меня нет большого опыта работы, – возражал Леонид. – Мне как-то неудобно. Я ещё не готов быть вашим замом. Да и засмеют.

– Нет, так будет! – засмеялся тесть. – Опыт – дело наживное. А засмеют, – повысил голос директор, – пусть попробуют. Я твой тыл, твоя крыша, твой блат.

Видя сомневающегося зятя, тряхнул за плечи:

– Мы с Лёлькой приняли решение, и назад пути нет!

– А при чём здесь Ольга?

Слова тестя удивили.

– Не дело твоей жене-красавице иметь мужа – простого инженера. Нам нужен муж и зять со статусом. Мы так решили! – Тесть запнулся: дочь просила не говорить, что она приказала сделать его замом.

– Папа! Я кого должна своим друзьям показывать? Инженеришку?! Засмеют. Не ниже зама, папа, не ниже зама. А лучше каким-нибудь директором. Я тебе сказала. Поищи в своём штате такую должность.

Отец не смог отказать дочери. Пока молодожёны проводили свадебный месяц на море, в штате завода появилась должность технического директора.

– Я так решил, Леонид! И по-другому не будет!

– Ну вы даёте! – Предложение принял, и возражать не стал.

– Будем считать, что это мой тебе производственный подарок.

– Какой ещё подарок?

– За то, что Лёльку замуж взял. – Губы тестя легли в грустной ухмылке.

Леонид тогда не понял смысла сказанного. И не хотел понимать. Он был влюблён. Его ослепили новые чувства. Мужчина впервые узнал, что такое страсть.

Леонид приступил к должности технического директора и с головой ушёл в работу. Знания, полученные в институте, стали складываться в единое целое. Его дипломная работа, сравнимая с кандидатской диссертацией, стала приобретать практическое применение в начинающейся модернизации ряда цехов завода. Наступало время рыночных отношений. Новые идеи и негласная поддержка тестя помогали воплощать в жизнь дерзкие и смелые проекты. Окружив себя единомышленниками, Леонид двигал работу вперёд, ломая устоявшиеся стереотипы старого, не обращая внимания на насмешливые взгляды одних («Из грязи в князи!»), заискивающие улыбки других и сочувствующие взгляды третьих. Он становился лидером.

– Ты, оказывается, имеешь волчью хватку, – похвалил его тесть. – Я в тебе не ошибся.

– Стараюсь оправдать ваше назначение, – парировал довольный похвалой Леонид.

Он начинал нравиться себе. На работе – деловой руководитель, в повседневной жизни – жизнелюб и надёжный друг, в семье – любящий и заботливый муж. Мужчина готовился стать отцом.

Как молодому специалисту, ему выделили служебную квартиру. Осуществилась мечта о семейном гнёздышке, в окружении любимой жены и детей, без присутствия рядом вечно придирчивой тёщи. Но тёплое гнёздышко не захотела вить жена. Ольга наотрез отказалась уезжать от родителей.

– Ты с ума сошёл! – Она не поддержала его радости. – Я не дура менять четырёхкомнатную квартиру на эту трущобу.

– Какую трущобу? – не понял Леонид. – Это однокомнатная квартира со всеми удобствами. Там большая лоджия. Мы совьём своё гнёздышко. – Он обнял жену, стараясь приласкать.

– Какое гнёздышко?! Меня друзья на смех поднимут, если я туда перееду. – Отстранившись, жена цинично засмеялась. – Я стану жить простолюдинкой.

– При чём твои друзья? Ты живёшь со мной, а не с друзьями. Все молодые семьи желают жить отдельно от родителей.

– Вот и живи отдельно, – перебила она мужа. – Я остаюсь здесь!

И Леонид смирился. Чтобы не вызывать тихих сплетен, попросил Пашку переехать из общежития в квартиру. Друг был безумно рад. Пашка переехал, а Леонид остался жить в квартире тестя. Чего не сделаешь ради любимой жены. Ради её спокойствия. Ради будущего малыша. Он готов идти на жертвы. Даже на нелюбовь тёщи!

– Нина Николаевна, – представилась она холодно, когда Ольга привела его знакомиться.

Услышав о решении дочери, женщина, невольно вскрикнув, поспешно удалилась в другую комнату звонить мужу.

– Я против. Он не из нашего сословия. Они мало знакомы. Я против! – доносился из-за закрытой двери её недовольный голос.

Нина Николаевна была права, сделав акцент на малом знакомстве. Всего лишь два дня. Но – каких два дня! Расцепив свои объятия от ласк, Леонид сделал Ольге предложение руки и сердца. Он был безумно влюблён! И своей жизни в дальнейшем без любимой женщины не представлял. А ещё между ними была близость. Это серьёзно! Обязан жениться. А как по-другому? Он знал цену своим словам и поступкам. Отвечал перед совестью. Этому учили родители. Учили быть в ответе за поступки, совершённые им. Как можно не сделать предложение после всего, что было между ними. Ольга предложение приняла. В отличие от тёщи, тесть благословил их, когда они зашли к нему на работу сообщить о своём решении.

Под давлением мужа Нина Николаевна смирилась с выбором дочери. Смирившись с выбором, не смирилась с присутствием зятя в доме, продолжая считать, что возле дочери обязан находиться достойный мужчина, а не «деревенский увалень». Объявив негласную войну зятю, старалась разбить союз молодых людей, находя постоянные причины, к чему бы придраться и в чём бы упрекнуть.

Не обращая внимания на вошедшего после работы уставшего зятя, могла часами учить его правилам поведения, которые она, как хозяйка, установила в доме. Её презрительный взгляд следил за каждым шагом Леонида. Но с этим можно было смириться. Сложнее приходилось с оговорками, которые его преследовали. Не там прошёл, не туда сел, не так поставил ботинки. Женщину раздражало, когда видела, как он ходит по паркету босиком, а не в тапочках или щёлкает выключателями, как ей казалось, слишком часто. Напоминала о немытых руках и не там оставленной обувной ложке. Упрёкам не было конца и края.

Совсем худо было, когда делались замечания при всех за столом.

– Где ваш нож, Леонид? В приличных домах принято есть ножом и вилкой. Почему ваши локти лежат на столе?

Леонид краснел, понимая, что это намёки на деревенское происхождение. В нём закипало раздражение, которое не ускользало от её внимания.

– Мои замечания направлены только на благо Лёлечки. Возле моей дочери должен быть воспитанный, тактичный и интеллигентный муж. – Поджав язвительно губы, не упускала случая напомнить: – Вы должны понимать, в какой вы семье и какому уровню должны соответствовать.

Переступив через уязвлённое самолюбие, Леонид не вступал в конфронтацию с тёщей, оберегал спокойствие жены, которая должна была скоро родить. Старался раньше убежать на работу и позднее вернуться, чтобы меньше мелькать перед глазами Нины Николаевны. За последние годы лишь обед собирал семью за общим столом вместе. Тесть забирал Леонида, и они приезжали домой обедать. Ужин каждый проводил отдельно. У тестя начинались городские совещания, переходящие в мужские посиделки. У Леонида работа над проектами до глубокой ночи. Должность заместителя директора требовала хлопотливой и объёмной работы. Но главная причина – меньше встреч с неугомонной тёщей.

Ольга в разборки мужа и матери не лезла, определив для себя позицию нейтралитета: пусть сами разбираются. Становилась равнодушной и безучастной ко всему. Её состояние Леонид списывал на беременность, которая проходила не слишком гладко. Первая размолвка между супругами произошла, когда жена заявила, что не хочет ребёнка.

– С ребёнком можно повременить. Сначала поживите для себя, – поддакнула тёща, стоящая рядом.

– Как не хочешь ребёнка? – Леонид слышал и не верил ушам. – Я хочу детей, и много детей.

Ольга рассмеялась, а тёща перекрестилась.

– Да! Я хочу много детей, – упрямо повторил Леонид. – У мамы были сложные роды. Я всегда завидовал тем, у кого есть братья и сёстры. Я страдал от одиночества. Мне пришлось дружить с котом Басей и телёнком, который жил у нас за печкой.

Ольга закатилась смехом.

– Телёнок в доме! Какая дремучесть. Мама! Ты слышала, телёнок в доме.

Леониду стал неприятен смех жены.

– Телёнок. Его заносили в дом, потому что в сарае он мог замёрзнуть. Так все сельчане делали, у которых коровы телились зимой. До тёплых дней он жил за печкой. Я его кормил. Иногда мы вместе спали на соломенной подстилке, прижавшись друг к другу.

Взглянув на лица женщин, понял, что зря поделился откровениями. Городские жители не могли его понять.

– Только попробуй что-нибудь сделать! Мне нужен сын! Или дочь! А им, – он указал на тёщу, – внук или внучка! Только попробуй!

Громко хлопнув дверью, вышел из дома, успев заметить, как неодобрительно всплеснула руками Нина Николаевна. Леонид не слышал, что она сказала, но понял:

– Вот оно, деревенское воспитание!

Тесть в это время был на работе.

Супруги помирились быстро. Домой Леонид вернулся поздно вечером. Работа восстановила душевное равновесие, отодвинув неприятный разговор с женщинами на второй план. Был крайне удивлён, застав жену на кухне. Обычно Ольга полулежала на диване и смотрела телевизор, когда он приходил с работы. Равнодушно подставляла для поцелуя щёку, не удосуживаясь встать и накормить голодного мужа. Негласно заведённое правило утверждало что кухня – не место для красавицы-дочки. Так что ужин в основном проходил у него в гордом

одиночестве. Бывали случаи, что к компании присоединялся тесть, да не один, а с гостями, такими же руководителями, занимающими значимые посты в городе.

Когда Леонид сидел одиноко в кухне, ему вспоминался другой ужин, как в его семье, когда отец приходил с работы, а мать, радостно встречая, накрывала стол. Работник пришёл! Потом супруги пили чай и тихо беседовали. На столе, который смастерил отец, всегда стояли чашки с разным вареньем. Отец был плотником, и Леонид хорошо запомнил, как он ему помогал, когда тот стругал доски. Стол занимал половину кухни, и маленькому мальчику казался он необыкновенно большим. На одной стороне стола сидела семья, а на другой стояли вынутые матерью из печи горячие чугунки. Ситцевая скатерть в красный горошек, беленькие занавески на окнах, аромат дымящихся щей, тарелочки с вареньем и тиканье домашних ходиков не мешали спокойствию и уюту домашних вечеров семье.

Дом тестя же дышал чопорностью и строгостью. Большая четырёхкомнатная квартира с высокими потолками и широкими окнами создавала простор. Замысловатые занавески со складками и рюшками – маленький мирок мещанства. Дубовый паркет, натёртый до блеска, – каток, по которому первое время, боясь упасть, он ходил босиком, без тапочек.

В большой простойной кухне стоял массивный круглый стол, накрытый белой накрахмаленной скатертью, со складкой посередине.

Леонид засиял от счастья, увидев жену на кухне. Вот она, семейная идиллия, о которой всегда мечтал.

– Я рожу ребёнка.

– Олечка, любимая! – Леониду показалось, что он взлетел от счастья.

– Только с одним уговором.

– С каким?

– Любить меня будешь больше.

– Я буду вас любить одинаково! – Муж расцеловал жену.

– Меня больше! Я так хочу!

Мужчина не успел понять, что имела в виду жена, сказав «Я так хочу!», как семейную идиллию нарушил голос тёщи из другой комнаты:

– Леонид! Вы не забыли помыть руки? И не стучите приборами по тарелке.

Родился сын. Леонид был самым счастливым отцом и мужем. Сын. Вячеслав. Славка. Но полностью испытать радость не дала жена, наотрез отказавшись кормить сына грудью.

– Я не буду. Я не могу.

– Что значит – ты не будешь! И ты не можешь?

– Я потеряю форму. У меня обвиснет грудь.

– В первую очередь, ты мать. – Леонид был растерян таким заявлением. – Ты обязана кормить ребёнка грудью. – Он взял со стола книгу «Материнство» и стал убеждать: – Я прочитал много медицинской литературы. В ней говорится, что ребёнку необходимо молоко матери. Я клянусь, что буду тебя любить любой. Поверь мне, дорогая!

– Ну хорошо, хорошо, – отмахнулась Ольга.

И Леонид поверил. А через неделю, вернувшись с работы, заметил в комнате много детских бутылочек. Его сын стал искусственником.

На защиту дочери встала тёща:

– Не шумите, Леонид! Ничего страшного в этом нет. Лёлечка не должна выглядеть простушкой.

– Она должна выглядеть матерью моего ребёнка, – перебил тёщу недовольно зять.

Нина Николаевна обиженно поджала тонкие губы.

– Мы с Лёлечкой это обсудили. Успокойтесь. В городе есть домашняя кухня. Я выкормила дочку на смесях, выкормим и внука. – Увидев, как дёрнулся зять, быстро закончила: – У Лёлечки послеродовая депрессия. Ей нельзя волноваться.

– Конечно, не обсуждается. Молока всё равно теперь нет.

Послеродовая депрессия у жены затянулась на долгое время. Утреннее раздражение перерастало в вечернее. Чем позднее Ольга просыпалась, тем раздражительней становилась.

– Не трогайте меня! – звучало каждое утро.

Целыми днями лежала на кровати, уставившись в телевизор, или проводила время перед зеркалом, внимательно рассматривая себя. Недовольно морщилась и, изображая страдания, жаловалась:

– У меня новая морщинка. Меня никто не будет любить.

Поведение жены Леонида раздражало, и все попытки вразумить заканчивались разборкой с тёщей. Весь слух женщины был обращён туда, где находился зять, присутствие которого терпела по ряду жизненных обстоятельств. Одним из обстоятельств был муж, которому не могла перечить. Так и не приняв зятя, она не могла позволить ему командовать своей красавицей-дочкой. Слыша перебранку супругов, Нина Николаевна сразу включалась в разговор.

– Вы слышали, что сказал психиатр, Леонид. Никаких конфликтов. Это со временем пройдёт. Мы должны взять на себя заботы о малыше.

Однажды, проснувшись от плача сына, Леонид посмотрел на жену. Ольга не спала.

– У меня завтра тяжёлый день. Заказчики приезжают. – Леонид ногами спихнул жену. – Депрессия. Депрессия. Иди к сыну!

Скорчив недовольную гримасу, она подчинилась. Склонившись к плачущему сыну, взяла на руки и стала баюкать. Ребёнок замолчал.

«Неужели прошло?!»

Леонид был рад, зная теперь, как пробудить в жене, материнские чувства. Днём покой дочери строго охраняла тёща, и он был бессилен что-либо изменить. А ночью, при первом писке малыша, он спихивал жену с кровати.

По совету психиатра каждый вечер супруги выходили гулять. Однажды, гуляя по улицам, забрели в городской парк.

– Хочешь, я покажу любимую скамейку? – произнесла Ольга, потянув мужа к скамейке. – У меня на ней был первый поцелуй.

Внутри мужа неприятно ёкнуло.

Присев на скамейку, она попросила:

– Поцелуй меня!

Изголодавший по прежней Ольге, Леонид набросился на жену с поцелуями. Они целовались страстно и долго.

– Здесь за углом есть ночной клуб. Давай сходим. Я так соскучилась по веселью.

– Олечка! А может, домой?

– Нет, в клуб. Я так хочу! – Ольга резко встала и решительно двинулась в сторону клуба.

За год семейной жизни Леонид знал, что значит «Я так хочу!». Услышав слова, не стал возражать, а молча двинулся следом.

Ольга была поздним и очень долгожданным ребёнком в семье. У супругов не осталось надежды, а малыш появился в том возрасте, когда их одногодки уже нянчили внуков: родившаяся дочь стала всем смыслом их жизни. Особенно тёщи. Материнская тревога, ответственность за жизнь единственного ребёнка привели женщину в состояние глубоко спрятанного панического страха – потерять дочь. Мать окружила её слепой материнской любовью, положив свою жизнь в угоду ей, как в случае с мужем, ради которого стала затворницей в доме.

Роль домохозяйки ей определил муж ненамеренно. Имея вздорный характер, тёща не могла ужиться ни в одном коллективе, провоцируя склоки. Скандалы доходили до мужа, что и побудило его однажды принять радикальные меры. Константин Сергеевич запретил жене работать.

Статус домохозяйки позволялся жёнам крупных мужей-чиновников, в обязанности которых входило содержание дома на высшем уровне той иерархической лестницы, на которой они находились. Хлебосольство на столе в любое время суток было обязательным, так как муж с кучей гостей мог появиться в любое время дня и ночи. Ещё были праздники, дни рождения и юбилеи. Все торжества проводились в строгих рамках делового этикета, учитывая круг высокопоставленных руководителей. В той социалистической эпохе, где семья считалась ячейкой общества, жена была дополнением мужа. Учитывая номенклатурную должность супруга, она была его лицом и всегда при параде независимо от места, где его представляет: на кухне или на приглашённой встрече. Поэтому Нина Николаевна всегда была ухоженна, с маникюром на руках, с укладкой волос, и одета по последним веяниям моды.

Нина Николаевна без радости приняла отведённую роль прислужницы. В её жизни был один человек, которому женщина не могла перечить. Слово мужа для неё – закон. Она почитала супруга, как почитают святых. Боготворила и восхищалась им. Была благодарна, что сделал женой и вывез из серой обыденности, сделав городской жительницей. Со временем полюбила своей тихой женской любовью. Понимание того, кем она стала, приходило с годами, по мере продвижения по карьерной лестнице мужа. Девочка из таёжного рабочего посёлка, с аттестатом семилетки, превратилась в жену директора большого в стране завода. Безропотно подчинилась, когда муж гневно заявил:

– Будешь сидеть дома, раз не умеешь ладить с людьми.

Жизнь с руководящим мужем заставляла меняться и менять стереотипы жизни. Чтобы не выглядеть рядом с мужем необразованной матроной, не создавать за спиной лишних разговоров, что не такая должна быть жена у такого начальника, Нина Николаевна окончила при заводе вечернюю школу. Прошла ряд курсов по этикету и этике. Это помогло ей создать о себе неплохое впечатление. С годами научилась устанавливать нужные взаимоотношения с теми, с кем общался муж. Близкую дружбу с жёнами нужных людей не заводила, боясь гнева мужа. Отношения были только приятельские. Понимая, что подруге можно доверить тайны, которые могут быть предметом гласности, с мужем была согласна. Приятельницы были, подруг – не было.

– Никаких подруг в доме, – запретил муж. – Есть подруга: тайное семьи станет гласным. Мне этого не надо.

Так что без особой радости став домохозяйкой, со временем мнение о роли затворницы поменяла. Ограничив мир квадратными метрами широкой и просторной квартиры, стала там правителем. Тесть, оценив старания жены по созданию отдыха от рабочей канители, в дела не вникал, полностью доверив дом супруге. Ему хватало завода.

С рождением дочери у тёщи прибавилось много новых обязанностей, с которыми она успешно справлялась. Муж, живший на своём заводе, в воспитании дочери практически не участвовал. Ослеплённая материнской любовью, мать потакала всем прихотям ненаглядного чада, считая, что её Лёлечка должна иметь всё, чего не имела она, дочка обыкновенной уборщицы. Слепая материнская любовь была так велика, что затмила глаза, перестав видеть в дочери себялюбивую эгоистку. Избалованная вниманием и родительской опекой матери, Ольга любила только себя.

– Я так хочу!

Но Леонид это слишком поздно понял.

Ночной клуб встретил супругов красивой и заманчивой подсветкой. Швейцар клуба, увидев Ольгу, с поклоном открыл дверь и приветствовал её как старую знакомую.

– Это кто? – ревниво спросил Леонид, смотря на шаркающего перед его женой стража.

– Так, всякая шушера.

Женщина уверенно зашагала в зал, откуда слышалась громкая музыка, и остановилась в середине зала. Это была другая Ольга. Раскованная, красивая и очень эффектная.

Любуясь супругой, Леонид вспомнил разговор с другом.

– Старик! Не слишком ли ты торопишься со свадьбой? – поинтересовался Павел. – Ты Ольгу совсем не знаешь.

– Я ничего не хочу знать. Она моя женщина! – жёстко перебил друга Леонид.

– Твои книги – это твои женщины. Что ты знаешь о бабах?

– А ты? Ты в них разбираешься?

– Разбираюсь. Когда ты книги перелистывал да гранит науки грыз, я этим временем баб ублажал. Мне было без разницы, кто они. Студентки. Замужние. Незамужние. Я знаю, на что они бывают способны. Старик! Не принимай поспешных решений. Приглядись к Ольге.

– Я присмотрелся. Она будет моей женой. Наша жизнь начнётся с чистого листа.

– Ну-ну! Смотри, как бы твой чистый лист не оказался обыкновенной промокашкой. Твои глаза сейчас не здесь, – Пашка сделал жест, – они сейчас в области мужского гульфика.

– Ты мне просто завидуешь, – ершился Леонид.

– Чему завидовать?!

– Что выбрала меня, а не тебя!

Пашка замолчал и сочувственно посмотрел на друга. Больше разговора об Ольге не заводили. Леонид не хотел, а Пашка не навязывался его начинать.

Тем вечером, в клубе, Леонид видел, как преобразилась жена. Она произвела фурор среди присутствующих. К ней подбежали знакомые и потащили на танцевальную площадку. Под цвета музыки его жена задвигалась красиво, ритмично и сексуально. Не успела затихнуть музыка, как та же компания потащила её за столик. Ольга окунулась в знакомую среду и забыла про мужа, а Леонид продолжал стоять на входе.

– Не девка, а оторва! – услышал он слова охранника.

В понимании Леонида слово «оторва» относилось к женщине непристойной и развратной. Такое сравнение вызвало в душе гнев. Его жена не оторва! Взять за грудки обидчика помешала Ольга. Увидев начинающийся конфликт, она подбежала к мужу и увела с собой.

– Мой муж. Технический директор и заместитель моего папы! – представила она своего мужа.

Леонида рассматривали долго и настороженно, оценивая и решая, допускать ли в свой круг «выскочку», решившего за счёт жены и её папеньки встать с ними на одну ступень.

– Придётся вам с этим смириться. – Голос Ольги прозвучал для всех как приказ.

Утаскиваемый женой в ночные клубы и рестораны, Леонид стал завсегдатаем молодёжных тусовок. Жизнь молодого человека наполнилась новыми ощущениями и познаниями. Теперь он знал, что, кроме дневной жизни с работой и семьёй, праздниками и выходными, существует другая жизнь, живущая по правилам тёмного времени суток. Жизнь с шумными развлечениями, дискотеками, подпольными игровыми квартирами, тайнами и даже развратом. Мир для избранных! Мир золотой молодёжи, чьи папеньки и маменьки не сходили с форматов местных новостных лент и определяли жизнь города. Для такой молодёжи были открыты все двери. Если простому лапотнику-работяге надо было попотеть, чтобы пробиться в ресторан, то для золотой молодёжи двери раскрывались сами. Вальяжные и гордые, они проходили мимо раскланивающихся перед ними швейцаров и администраторов, которые, пропустив их, сразу же орали: «Мест нет!» Каста избранных всегда была при деньгах и не скупилась на дорогие

закуски и выпивку. Оставляя хорошие чаевые и получая взамен низкие поклоны, льстивые речи, угодливость и подхалимство, золотые детки наслаждались своей властью и вседозволенностью.

Леонид стал частью этой жизни.

Впервые он посетил массажный кабинет, кода шумная компания ввалились продолжить развлечения после очередного застолья. Порхающие массажистки азиатской внешности, в просвечивающих халатиках, накинутых на голое тело, вызвали у Леонида стеснение.

– Расслабься и получай кайф, – засмеялась Ольга, обняв застеснявшегося мужа.

Ему предложили массаж с клубничкой.

– А это как? – поинтересовался он. – Что значит «с клубничкой»?

Компания дружно засмеялась.

– Тихо! – Ольга остановила смех и показала на закрытую дверь, откуда доносились странные, но удивительно знакомые стоны.

Под взрыв хохота Леонид густо покраснел.

– Может, попробуешь? – предложили ему.

– Нет! Нет! Нет! – Леонид испуганно дёрнулся, стараясь спрятаться за жену.

– Это тебе, Лёня, не коров в деревне доить, – язвительно произнёс молодой человек, с ухмылкой на губах.

Это был Юрик, сын секретаря горкома партии. В отличие от всех, он не упускал случая, чтобы не уколоть Леонида шуткой. Все шутки имели подтекст, напоминающий всем о происхождении нового друга.

Леонид стиснул зубы, стараясь не реагировать на шутку, но смех жены его обескуражил.

– Ты-то зачем смеёшься?

– Мне нравится, как ты краснеешь. Ты меня этим заводишь!

Слова Ольги потонули в общем хохоте.

Ночная жизнь была окутана тайнами и секретами, которые открывались Леониду постепенно. В одну из ночей компания посетила игровой клуб. Это был не клуб, а игровая квартира. Леонид хорошо запомнил свой первый поход в подпольное казино. Они долго петляли по улицам, прежде чем машина остановилась у нужного дома.

– Мы куда едем? – тихо спросил он Ольгу.

– Сейчас узнаешь. Потерпи, котик.

Пароль при входе вызвал ощущение таинственности, придав важность приходу Леонида. Сейчас откроется дверь, и ему доверят тайну, как управлять миром. И если бы не обитая дерматином дверь, он бы погордился значимостью своей миссии.

Внутренняя обстановка трёхкомнатной квартиры его поразила. Вместо обычных диванов, кресел и телевизоров в каждой комнате стоял большой круглый стол, за которым сидели люди с картами в руках. Количество денег, россыпью и в банковских упаковках, лежащих на кону и возле игроков, лишили молодого человека речи. Такое количество денег он видел только в кассе завода в период зарплаты.

Играть Леонид не умел, за стол села Ольга.

К его изумлению, жена оказалась хорошим игроком в преферанс. Она светилась, и вид играющей женщины говорил – она королева жизни. Жизни, которая вдохновляла, ублажала и возносила до величия. Не королевское это дело – семейный быт, материнские чувства и хныкающий сын. Смотря на красоту и величие своей жены, Леонид испытывал чувство гордости: «Моя жена! Королева! А я её раб».

И этот раб был благодарен своей «королеве» за мир, который он познавал.

Новая жизнь диктовала правила, к которым он не всегда был готов. Это мешало быть своим в доску, отчего молодой человек страдал и расстраивался. Новые взгляды шли вразрез

с тем, чему учили родители. Старое, затаившись, не спешило отпускать, напоминая о себе моментами.

– Нечего с этим плебеем здороваться, – одёргивала Ольга мужа, проходя мимо швейцара.

– Он поздоровался с нами. Как можно не ответить? – старался оправдаться Леонид.

– Его работа здороваться и улыбаться нам.

Леонид опускал глаза, стараясь не перечить супруге, чтобы не вызвать шквал шуток со стороны новых знакомых.

Ольга ожила и похорошела. Перемены, которые происходили с женой, Леониду нравились. После поездки на игровую квартиру он другими глазами посмотрел на свою жену и не так болезненно стал воспринимать её равнодушие к сыну. Конечно, хотелось, чтобы жена-королева была ещё и матерью. Но психиатр успокоил, сказав, что надо подождать. И Леонид ждал. Оставив сына на попечение матери, Ольга усиленно занялась собой, целыми днями проводя в тренажёрных залах и косметических кабинетах. Со временем привела себя в форму, похудела, сбросив приличные килограммы, набранные за время беременности. Обновила свой гардероб, не забыв и про мужа.

– Тебе надо срочно купить ботинки.

– У меня есть.

– С ума сошёл! Твои ботинки куплены на барахолке. У нас принято одеваться в известные бренды.

– Оля! Эти ботинки стоят как токарный станок, – рассматривая ценник, шептал Леонид.

– Да, котик! Не грусти. Красота – удовольствие дорогое.

Рассчитываясь за покупки, Леонид старался себя успокоить: «Заработаю. Королева должна быть королевой!»

В этот мир богемы Леонид как-то затащил друга. Пашка, обладая коммуникабельным характером, в компании прижился быстро. Балагур по своей натуре, он закрутил флирт со всеми подружками жены. С ребятами держал нейтралитет. Пашку не тревожило, как к нему отнесутся мужчины. Имея друга, в друзья не набивался. Старый друг лучше двух новых.

– Ещё один прилипала к нашей компании. Скоро в деревню превратимся, – съязвил Юрик, осматривая нового знакомого.

Леонид дёрнулся возразить, но Пашка его остановил:

– Не надо! Я сам разберусь.

Своими весёлыми шутками Павел обворожил девчат, которые закружили вокруг, привлекая его внимание. Леонид невольно вспомнил годы учёбы любвеобильного друга, когда он сводил с ума не одну студентку.

Наблюдая, как женская половина не сводит с него глаз, предложил:

– Жениться не хочешь, старик? Столько девок свободных!

– Жениться надо на душе, а не на красивых игрушках.

Молодые люди стояли у барной стойки и пили виски, когда услышали смех. Обернувшись, увидели Юрика, стоящего с рюмкой в руке и говорящего тост. Что он говорил, было не слышно, но за столиком его слова встречали хохотом. Особенно смеялись женщины.

Павел кивнул, показывая на них:

– Не на этих же расфуфыренных и глупых тёлках жениться!

Леонид непроизвольно сморщился, а Павел извинился:

– Прости, старик! Я не хотел тебя обидеть.

Ольга, заметив, что на них смотрят, помахала рукой. Дорогое кольцо сверкнуло блеском на изысканном пальчике супруги. Это кольцо Леонид подарил вчера, в знак примирения. Тот ритм, что задала жена, знакомя с ночной жизнью, затрещал с большим шумом. Совмещать

бессонную ночь с рабочим днём становилось сложнее, и Леонид понял, что так продолжаться больше не может. С утра, еле проснувшись, был вялым, а на работе от недосыпа раздражительным. Его настроение не ускользнуло от сотрудников, которые ломали голову, почему начальник стал таким ворчливым. Подрастающий сын требовал внимания. Мечта отоспаться стала навязчивым желанием молодого человека.

Придя как-то с работы пораньше и не застав никого дома, прилёг на часок отдохнуть. Проспал мёртвым сном до утра. Не слышал, как вернулась тёща, как плакал сын, как несколько раз в комнату заглядывал тесть – узнать, что с ним. Во сколько пришла жена из клуба, не знал. Но это показалось мелочью с тем, что он выспался. Вечером всё повторилось вновь.

– Я так и буду сидеть возле спящего мужа? Хочу в клуб. – Ольга недовольно растолкала супруга: – Вставай!

– Олечка! Останемся дома, – взмолился Леонид, – мне трудно выдержать такой ритм жизни.

– А что делать мне?

– Я не могу раздваиваться. Должно быть что-то одно. Или работа, или отдых.

– Это твои проблемы. Можешь оставаться дома.

– А ты?

– Я пойду. Мы с подружками договорились встретиться в клубе.

– Без меня никуда не пойдёшь!

– Пойду!

На шум супругов прибежала тёща.

– Леонид! Ничего страшного нет. Лёлечка скучает, пусть с подружками поболтает.

– Дома скучно. Ребёнком заниматься не хочет. Пусть выходит на работу. Займётся полезным трудом на благо своей скуки.

Слова мужчины привели женщин в ярость. Две пары глаз гневно уставились, а два рта зашипели, обвиняя мужчину во всех грехах мира. Леонид выбежал из дома, ругая себя за неосмотрительность сказанных слов. Целую неделю жена никуда не ходила и, наказывая его, с ним не разговаривала. Помирило супругов кольцо, которое сейчас красовалось на руке Ольги.

Золотую середину проблемы они всё же нашли. Вмешался тесть, встав на защиту зятя. Жена и тёща отступили. Чтобы не ругаться, составили график. Ольга назвала его «Наша мирная жизнь».

Иногда она этот график срывала.

– Пойду к подружке на часок!

Приходила домой глубоко за полночь. Замечая обман, Леонид сдерживал себя, стараясь сохранить мир, убеждая себя, что не может красота находиться дома. Она должна блистать в обществе!

Сегодня был день внепланового похода в клуб, поэтому напоминание в рабочем календаре Леонид не проставил. Закрутившись на работе, забыл, что вечером супруги приглашены на день рождения. Недовольный голос жены в телефонной трубке напомнил о предстоящем событии и о том, что он найдёт её в клубе.

– Приличные люди на мероприятия не опаздывают, – упрекнула его Нина Николаевна, когда он забежал домой переодеться. – Вам, Леонид, ещё многому надо учиться.

Чему учиться, сказать не успела, так как он быстро прошмыгнул мимо.

Большой букет роз, подаренный имениннице, был извинением за своё опоздание. Женщины оживились, а мужчины встретили его приход с безразличием. Выдержав такт, перешагнув через уязвлённое самолюбие, Леонид поздоровался с каждым из них за руку.

– Молодец! Так держать. До бабских разборок не опускаемся, – похвалил его Пашка, когда Леонид подошёл к нему.

Пашка приехал раньше и видел, как встретили друга. Наблюдая за ним, не упустил случая понаблюдать за Ольгой. Он не раз ловил себя на мысли, что ей нравилось, когда мужа унижали. Слушая насмешки друзей, не вставала на защиту супруга и не одёргивала шутников. А её мнение в компании было не последним, если не первым. Иногда Павлу казалось, что она сама была провокатором подобного, отпуская непристойные реплики в сторону мужа, стараясь его сконфузить. Леонид сникал, а она закатывалась смехом. Павел хорошо знал женщин. Знал, когда любят. В глазах Ольги была пустота. Ему стало жаль друга.

Праздник был в самом разгаре, когда он решил по-тихому слинять. Но тихо уйти не получилось. Его остановил резкий голос.

– Ты не на заводе, чтобы мне указывать. На заводе командуй, а здесь мы хозяева.

Павел обернулся. Леонид, с красным от возмущения лицом, уходил от курящих на балконе мужчин, а Юрик, нагло улыбаясь, смотрел ему вслед.

– Чего не поделили? – поинтересовался Павел, когда друг подошёл к нему.

– Сделал замечание. – Леонида прорвало. – Сколько можно терпеть его хамство! Не сдержался сегодня.

– Давно надо было поставить на место этого сыночка.

– Смотреть противно. Придирается ко всем. Унижает. Сейчас официантку обозвал дешёвкой. Духи не понравились. Помоями воняют. Разве это поведение мужика?!

– Зачем тебе это надо, старик?

– Что надо? – не понял Леонид.

– Доказывать, что ты свой. – Павел стал серьёзным. – Ты уважаемый на заводе человек. И не только на заводе. Тебя уважают не как зятя директора. Тебя уважают за работу, за отношение к людям. На тебе весь завод держится. Другие заводы уже задохнулись от рыночных отношений, а наш завод как работал, так и работает. В этом твоя заслуга. Ты делаешь себя сам. Я горжусь, что у меня такой друг. – Пашка кивнул в сторону балкона. – А кто они? Детишки папенек и маменек. Ты чего перед ними шуршишь и шаркаешь? – Павел брезгливо сморщился. – Не стоит! Ты ушёл далеко вперёд, и им тебя не догнать. Они доедают последние куски славы своих родителей. Говорят, что отца Юрика снимают. Да пошли их ко всем бабушкам. У них за спиной ничего, а у тебя завод и коллектив.

– Может, ты и прав.

Пашка был прав, и Леонид это хорошо понимал. Ничего, по своей сути, эти мажорики не стоили. Натянутая маска важности, напыщенности и превосходства скрывала внутреннюю пустоту. Чем хвалились и что имели, заработали не сами, а получили от родителей. Если бы не жена, Леонид давно бы прекратил это общение, не тратя свою энергию на пустые разговоры. У него есть завод.

Последнее время всё чаще вспоминались слова отца, сказанные ему на вокзале, когда родители провожали его в Москву. Мудрые слова взрослого человека:

– Леонид! Чтобы остаться на плаву, можно меняться под окружение, но при этом не терять себя.

Мать тогда стояла прижавшись к сыну и плакала, а отец украдкой вытирал слёзы рукавом затёртого пиджака. Тогда Леонид был слишком молод, чтобы понять, какие чувства испытывали родители, провожая его во взрослую жизнь.

– Старик, пойдём погоняем шары, – оторвал его от воспоминаний Павел. – Рехнуться можно, слушая про тачки и модные шмотки. На мой характер, я бы этих бездельников на завод загнал, в качестве дармового труда.

– Идея хорошая. Польза для завода была бы огромная. – Леонид за весь вечер первый раз улыбнулся.

Они играли в бильярд вторую партию.

Увидев, как Пашка одним ударом закатил в лузу два шара, Леонид восхитился:

– Старик! У тебя прогресс в игре!

Павел хитро прищурился:

– Я записался в клуб любителей бильярда. Нанял себе личного инструктора.

– Зачем?

– Скоро узнаешь!

И это «скоро» не заставило себя ждать.

Рабочий день давно закончился, а Леонид сидел в кабинете и просматривал бумаги, кипой скопившиеся на рабочем столе. Он не спешил домой. Причиной задержаться на работе была утренняя беседа с тёщей, не упустившей случая напомнить ему о правилах поведения в приличных домах. Нагрубив и хлопнув дверью, он ушёл на работу, а теперь выжидал, когда Нина Николаевна отойдёт ко сну.

Позвонила жена.

– Котик! – проворковала Ольга. – Я в клубе! Здесь Павел такое творит! Приезжай! – И в трубке раздались гудки отбоя.

Войдя в клуб, Леонид увидел толпу народа в глубине зала. Окружив бильярдный стол, все наблюдали за поединком. Друг против друга, с киями в руках, почти голыми, стояли Пашка и Юрик. Шла игра на раздевание. Пашка был в спортивных трусах и с галстуком на шее, Юрка же – в супермодных стрингах. Один насмешливо строил рожи, другой нервно кусал губы и со злостью смотрел на соперника.

– Юрочка! Сейчас мой удар. Готовься снять свои гламурные панталончики. – Пашка хохотнул и подмигнул толпе.

Счёт был равный, и от его удара зависело, разденет он Юрку или нет.

– Ты же помнишь наше пари? Проигравшему кричать на столе: «Ку-ка-ре-ку». Голым!

В зале стояла тишина, и голос друга звучал издевательски:

– Вот так мы бьём мажорных отпрысков! – Выбрав удобную позицию, Пашка стукнул.

Шар, получив инерцию, медленно покатился вперёд. То ли Павел не рассчитал силу удара, то ли растратил её на слова, как бить «мажорных отпрысков», удар получился смазанным, и всем показалось, что до лузы шар не докатится.

Юрик победоносно окинул присутствующих взглядом. Не обращая внимания на завершение игровой комбинации, с пафосом произнёс:

– Ну что, лохи! Поимели меня! Я своего сейчас не упущу!

Но порадоваться за свой предстоящий успех ему помешал дружный вскрик толпы:

– Партия!

Пашка залыбился, а лицо Юрика перекосилось злобой. Хохот толпы сотряс помещение, а голос Ольги прозвучал как сигнал к действию:

– Снимай трусы, красавчик. И на стол – кукарекать!

– Ты за что его так? – Леонид с удовольствием похлопал по плечу друга. – Мастерски сыграл и мастерски раздел! – Захохотал, вспомнив, как Юрик, прикрывая нижнюю часть тела, полез на стол кукарекать. Как изгалялись женщины, отпуская ему непристойные шутки.

Павел, застёгивая пуговицы на рубашке, ухмыльнулся:

– Пусть знает наших! А то «деревня», «деревня»!

Леонида озарила догадка, что друг отыгрался за него. И последний забитый шар был рассчитан специально, с прицелом покуражиться над сынком секретаря горкома и пощекотать нервы публике.

Его память перенеслась на полгода назад, когда он выиграл у Пашки партию. Юрик, наблюдавший за игрой, предложил сыграть с ним. Леонид согласился, самонадеянно решив,

что он для него, как и Пашка, не соперник. Юрик разбил его в пух и прах, можно сказать, всухую.

– Вот так мы бьём выскочек! Вот так мы бьём директорских зятьков, – приговаривал он, со злостью забивая шары в лузу. Забив последний шар, с ехидством произнёс: – Ну что, деревня! Партия!

Уязвлённый оскорблениями и проигрышем, Леонид пошёл на соперника с кулаками.

– Старик! Не стоит! – Павел перехватил его. – Мы его разделаем по-другому. Красиво и интеллигентно.

Ольга, увидев начинающую ссору, подбежала к мужу и, вцепившись в руку, потащила на улицу.

– Котик! Это ты у нас рабочий класс, а Юрик целыми днями шары гоняет да по барам зависает. Остынь! Сам знаешь, кто у него папаша! И мой не поможет!

– Хорошо ты за меня отыгрался, – похвалил Леонид друга, вспомнив тот случай, и, понизив голос, поинтересовался: – Ты чего такой парадный? Я тебя в галстуке видел два раза в жизни: когда диплом получали и когда дружком на свадьбе моей был.

– Разделать мажорного сынка красиво и интеллигентно решил при полном параде! – Польщённый похвалой, Павел заулыбался.

После той игры Юрик стал редким гостем в их компании. Редко стал появляться и Павел, проводя свободное время в бильярдном клубе.

Как-то Леонид зашёл к нему в гости после работы. Павел встретил товарища с книгой в руке.

– «Основы игры в бильярд», – прочитал Леонид, взяв книгу в руки. – Что это?

Павел показал на пол, где были разложены листы ватмана, разлинованные на квадраты и расписанный цифрами. Рядом лежали листки тетради, исчерченные углами, радиусами и дугообразными линиями.

– Мой ликбез, старик! Рассчитываю точность удара. Отрабатываю разные комбинации, куда бить и с какой силой. Все расчёты закрепляю за бильярдным столом.

– И ты сам рассчитываешь? – У Леонида проскользнула ревность. – Обычно расчётами всегда занимался я.

– Сам. Я же технарь! Это наш вид игры. Линии, углы, радиусы, дуги. – В голосе друга слышалось возбуждение. – Обалденный вид спорта. Красивая игра. Ещё психологический тренинг. Беру кий, и напряжение за день как рукой снимает.

– Я тоже технарь. – В глубине души Леонида задело, что друг отказался от помощи. – Но мне по душе больше карты. Покер. Преферанс. Ощущение таинственности, стратегии, тактики.

– Я не спорю, старик! Но бильярд – классика. Игра аристократов. У тебя по жизни может не быть образования и воспитания. Но когда ты встаёшь за стол, становишься частью этой жизни. Образование – это профессионализм. Воспитание – дисциплина и такт. – Павел присвистнул. – Тебя окружают мэтры аристократизма и интеллигентности. Ты смотришь на них, ты учишься у них, и ты становишься частью их. Интеллигент и аристократ.

– Может быть, может быть. – Леонид не спешил сдаваться. – Но карты мне ближе. Там всё зависит от твоей дисциплины, твоего ума и удачи. Я люблю риск.

Своё желание научиться играть в карты Леонид начал с преферанса. Жена, неплохо игравшая в преферанс, стала для него хорошим учителем. Это был один из лучших периодов в семейной жизни супругов. Вечерами, когда никуда не надо было идти или на улице была непогода, супруги садились за стол и раскладывали карты. Леонид был старательным учеником и быстро определил, на чём строится стратегия и тактика в игре. Первое – математический расчёт, второе – умение просчитывать ситуацию. На удивление жены, у Леонида быстро пошла игра, и он стал выигрывать. Как дети, они вместе радовались его успехам. Это было счастли-

вое время, когда прекратились ссоры и в семье наступил лад. Супруги понимали друг друга с полуслова. Леонид бежал домой, еле дожидаясь окончания работы. Но гармония скоро закончилась. То ли Ольге надоело проигрывать, то ли наскучило сидеть дома, – королеву потянуло на публику.

– Хочу в свет!

Леонид с грустью вздохнул.

Утаскиваемый женой в свет, он стал постоянным посетителем конспиративной квартиры, куда они когда-то приезжали. Желание играть и побеждать сажало Леонида за игровой стол, где на кону стояла ставка. Молодой человек был далёк от мысли, что азарт сломает его, когда он не сможет управлять собой. Сам того не замечая, становился азартным игроком. Путь к азарту у всех одинаков, и Леонид не стал исключением. Начальной точкой стал интерес научиться играть. К интересу присоединилось удовольствие от умения управлять игрой и просчитывать ходы. Как всем начинающим игрокам, мужчине везло. Он выигрывал, а если проигрывал, то быстро отыгрывался. Интерес и удовольствие жаждали риска. Предвкушение успеха. Азарт, туманя сознание, подчинял себе волю, которая начинала жить отдельно от разума. Разум говорил: «Остановись», а воля отвечала: «Не могу!» Разум приказывал образумиться, а воля убеждала, что в последний раз. И сколько бы это ни продолжалось, час «последнего раза» наступал. У Леонида он наступил тоже.

– Зарплата за целый год. – Он растерянно смотрел на жену, до конца не понимая, как такое могло случиться.

– Нашёл о чём переживать. Не позорь меня перед людьми. Тебе денег жалко?

– А на что мы будем жить? У меня не скоро зарплата. – Леонид был подавлен.

– Папашек потрясём. – Ольга озорно прищурилась. – Мой выложит, а твой вышлет. Можно подумать, что мы живём на твою зарплату.

Последние слова повергли мужчину в ступор. Он, второй человек на заводе, получал хорошую зарплату и большие премии. Последнее время появились дополнительные заработки, которые они с Пашкой называли леваками. И слова жены, что денег не хватает, вызвали недоумение. Все заработанные деньги шли в семью, если не считать тех крох, которые оставались от командировок и небольших леваков, которые шли на сигареты, подарки жене и развлечения. Сегодня на кон он поставил левак, который вчера заработал. Левак был проигран, и в ход пошла зарплата.

Мужчина вспотел от проигрыша и слов жены.

– А при чём тут отцы? – Он до шёпота снизил голос, стараясь не привлекать внимания к разговору. – Я не знал, что моей зарплаты не хватает. Куда ты её тратишь?

Ольга капризно передёрнула плечами и, загибая ухоженные пальчики, стала громко перечислять последние траты. Леониду показалось, что она специально громко говорила, чтобы привлечь внимание.

– Котик! Объясняю для бестолковых. Салон красоты. Маникюр. Педикюр. Фитнес. Шмотки, в конце-то концов. – Ольгу взбесило обвинение в трате денег. – Одно нижнее бельё, которое ты так страстно любишь стаскивать, стоит треть твоей зарплаты. Это чтобы ты знал, котик, куда уходят деньги.

Пикантная подробность про нижнее бельё, которое он так страстно любил снимать, рассмешила всех. Юрик, как всегда, не упустил случая задеть колкой шуткой.

– Ольга! Да откуда ему знать, сколько стоит твоё нижнее бельё. Наш деревенский паренёк считает, что это стоит как кальсоны его отца.

Леонид, расстроенный большим проигрышем, был так взволнован, что не отреагировал на едкую пошлость бывшего дружка жены.

То, что Юрик был дружком жены, Леонид узнал не сразу. Подружка жены, из жалости к Леониду, слыша едкие шутки в его адрес, поделилась откровениями.

– Юрка – бывший воздыхатель. Такая любовь была у них, а Ольга, без объяснения причин, за тебя замуж вышла. Скорее не вышла, а женила на себе. Она у нас девочка опытная.

Проигрыш годовой зарплаты был сравним с кипятком, окатившим мужчину. Градусу придала пикантная подробность про нижнее бельё и смех присутствующих. Небрежные слова жены в адрес «папашек» добавили высоту кипения. Это был уже не кипяток – это был вар, в котором он сварился.

Леонид негодовал, возвращаясь в то утро домой. Проигрыш, смех, очередная шутка Юрика, уязвлённое самолюбие, поведение жены вызвали в нём бурю протеста. Особенно раздражала Леонида загадочная улыбка супруги. Он остановился, а Ольга, погружённая в свои мысли, продолжила идти.

– Ольга! – стараясь подавить закипающий гнев, окрикнул Леонид.

Невольно вспомнились слова друга о бездушных красивых игрушках. Пашка прав! Выхоленные вседозволенностью, не знающие отказа, с искажёнными нравственными принципами, презирающие всех бездушные себялюбы и себялюбки – Леонид вспоминал эпитеты, стараясь успокоиться. Перед глазами стоял смеющийся Юрик, и это ещё больше злило. Они из разных жизней! И будет ли он в одной, стало для мужчины неприятным открытием.

– Оля! Я не понял про «папашек». Особенно про моего. Он высылает нам деньги?

– Котик! – Ольга рассмеялась, и рассмеялась небрежно. – Разве это деньги?! Горе, а не переводы.

– Почему я об этом не знаю?

Леониду захотелось впервые взять жену за шиворот и встряхнуть.

– Почему, почему… – Ольге не понравилось, что муж так близко подошёл к ней. – Ты на работе постоянно, а в переводе надо расписываться. И потом! Я думала, что такие гроши, не так важны для тебя. – Женщина нервозно задёргалась под пристальным взглядом мужа.

– Сколько отец перечисляет?

– Нищета, а не перевод. Мог бы и больше, знает, что внук растёт. – Супруга назвала сумму перевода.

– Его месячная зарплата! – опешил Леонид. – Мать вполовину меньше получает. А как они там выживают? Я тебе мало приношу денег, что ты… – Леонид не договорил, задохнувшись от несправедливости.

– Подумаешь! Ничего же с ними не случилось. У них там огородик есть. Сам же рассказывал. Картошечка. Моркошечка. С голоду не умрут.

Они поссорились. Леонид впервые говорил с женой жёстко, глядя пристально в глаза цвета спелой оливы, в которых когда-то утонул. Но тех олив уже не увидел. На него смотрели изумлённые глаза жены. Ольга не могла понять, почему поднял голос всегда податливый муж. Да как он смеет повышать свой голос? Правильно мать говорит, что невоспитанный мужлан. Топнув ногой, она ушла, высоко подняв голову. Ольга ушла, а Леонид остался. Немного успокоившись, пожалел о своём поведении, что вёл с женой не как мужчина.

Дома вместо супружеского ложа его ждал диванчик.

– Подумай над своим поведением. – Ольга королевским жестом указала на диван.

Как провинившийся слуга, чтобы не гневить хозяйку, Леонид послушно лёг на отведённое королевой место.

Впервые в жизни супруги спали раздельно.

Они не разговаривали почти месяц. Это стало нормой, как и нормой – спать ему на диванчике. В этот раз не разговаривали из-за шубы, которую жена пожелала купить, а Леонид посмел возразить.

– Ты не мужик, раз не можешь обеспечить жену шубой, – сузив глаза, упрекнула мужа Ольга.

– При чём здесь мужик – не мужик? – возмутился Леонид. – Ты потряси свой шкаф.

Он подошёл к шкафу и открыл его. Вещи, наваленные кучей, почуяв свободу, стали вываливаться на пол.

– Все полки забиты твоим шмотьём. Хоть бы порядок навела в шкафу.

– Жена заместителя директора завода не должна ходить в одном и том же постоянно.

– Жена заместителя директора завода должна иметь немного скромности, – возразил Леонид. – Страна в нищету скатилась с этой перестройкой, зарплаты задерживаются, а тебе шубу очередную подавай. Да ещё коллекционную. Если мне не изменяет память, я тебе в позапрошлом году привозил шубку из Венгрии. И она тоже была коллекционная. У тебя есть две шубы.

– Та, что ты привёз в прошлый раз, вышла из моды. В этом году моден горностай.

– Твой горностай стоит как два моих завода, – взбеленился Леонид. – Ты, наверное, думаешь, что я печатаю деньги. А я, дорогая моя, их зарабатываю.

– Вот и зарабатывай. Я для чего тебя сделала папиным заместителем? – ёрничала Ольга.

– Хватит меня постоянно этим попрекать.

– Короче, – перебила она возмущённого мужа, указав на диванчик. – Там подумаешь, как обеспечить свою жену шубой.

Леонид усмехнулся.

– Мне, иногда, кажется, что ты специально эту бодягу заводишь.

– Какую бодягу?

– Скандалы! Мне кажется, что ты нашла новый способ себя развлечь. Хочу спросить, куда ты в своей шубке собираешься ходить?

– Это моё дело!

– Что значит «моё дело»? А меня, как мужа, это не касается?

– Не касается, – зло бросила Ольга. – Я не собираюсь с тобой больше разговаривать. – И она замолчала, всем видом показывая: будет шуба – будет муж.

Последнее время семейная жизнь Леонида катилась вниз, быстро набирая обороты. Небольшие трещинки в отношениях с женой, которые быстро стирались в начале семейной жизни, стоило Ольге обнять или поцеловать его, с годами превращались в раны, которые терзали его сердце, оставляя боль в душе. Семью раздирали перебранки и ссоры. Если раньше разногласия между супругами быстро утрясались под покровом ночи, которая их мирила, то сейчас Леонид всё чаще просыпался в гордом одиночестве на своём диванчике, на который, когда-то, королевским жестом указала жена. Обняв подушку, он долго не мог заснуть, думая, что в его жизни не так? Вместе с мрачными мыслями тело, которое не спасало тёплое верблюжье одеяло, замерзало от холода. Он заворачивался в одеяло, но теплота ускользала, как его надежды на домашний уют и мир в семье.

Леонид уже не знал, как с этим бороться. Всё, что делалось им на благо семьи, женой воспринималось с категоричностью наоборот. Ольга раздражалась от его разговоров и всем была недовольна. Постоянные упрёки в его адрес, что он плохой муж, неблагодарный, не ценит того, что она для него сделала, зацикленный на своей работе, не уделяющей ей внимания, разрушали психику мужчины. Постепенно из жизнерадостного человека он превращался в печального Пьеро с маской постоянной виноватости и ущербности. От постоянных упрёков Леонид убегал на любимый завод, который ждал его и который был единственной отдушиной. Там его ценили и уважали, там он чувствовал себя востребованным человеком, а не выскочкой и приложением своей жены.

Иногда Леониду казалось, что жена специально злила и обижала его, чтобы под шумок смотаться из дома.

На вопросы мужа, где была, отвечала коротко:

– У меня были дела.

Что за дела, не говорила, но он догадывался. Были моменты, когда появлялась под утро, на взводе, обдавая квартиру запахом перегара. И вот, в какой-то момент, не в силах справиться с эмоциями, Леонид купил сигареты и закурил. Закурил впервые в жизни. Думал успокоить нервы, а оказалось – закурил навсегда. Нервы не успокоились, а курильщиком стал заядлым.

Общение с тёщей последнее время практически прекратилось. Не выдержав её поучений во время ссоры с супругой, указал ей место, где она должна быть. Ссора произошла из-за сына, у которого была высокая температура, а жена ушла к подружке.

– У сына высокая температура! – Леонид был взбешён, когда Ольга появилась дома. – Где ты шляешься?

Не обращая внимания на разъярённого мужа, она включила телевизор и уселась в мягкое кресло.

– Почему я должен бегать по аптекам после работы? Я устал. Я голодный.

– Ну сбегал же. Ничего не случилось.

– Не случилось. А могло случиться. У Славы высокая температура. Что ты за мать!

Ольга промолчала, не желая вести разговор дальше. Не смолчала тёща. Услышав ссору, она сразу встала на защиту дочери.

– Если бы я знала, Леонид, что вы будете скандалить, я сама сходила бы в аптеку.

– Убедительно прошу вас, Нина Николаевна, – глаза зятя горели гневом, – больше не вмешиваться в разговор супругов. Прошу выйти из нашей комнаты, иначе я за себя не ручаюсь.

Возмущённая поведением зятя, женщина вылетела из комнаты. Вечером он слышал, как она жаловалась мужу, стараясь найти поддержку. Но муж не поддержал, приказав не вмешиваться в жизнь молодых. После этого случая Нина Николаевна немного поутихла. В открытую с зятем не ссорилась, работала исподтишка, накручивая дочь против, когда его не было дома. Хорошего было мало, но лучше, чем отбиваться от двух женщин сразу. Поэтому и не спешил Леонид домой, находя причины задержаться на работе.

Сегодня вечером провёл планёрку. Просматривая днём проект, остался недоволен одним расчётом. Завершался год, и заказчик волновался, успеет ли завод освоить финансирование. Беспокоился и Леонид, понимая, что времени осталось очень мало.

– Проектному отделу и экономистам проверить расчёты. В этом узле, мне кажется, есть ошибка. – Леонид указал на чертёж. – Даю три дня. Через три дня вы должны меня убедить, что я не прав.

Сотрудники расходились, перешёптываясь между собой про позднее время, недовольного шефа и про его шестое чувство. Значит, ожидались сверхурочная работа и новые технические экспертизы. Время поджимало. Работы прибавлялось, и ещё не факт, что они за эту работу могли получить премию. Это огорчало многих, так как на заводе начались перебои с зарплатой.

Отпустив всех с планёрки, Леонид посмотрел на друга, который остался в кабинете.

– Старик! Уже поздно, – жалобно простонал Пашка, допивая чашку кофе. – Давай завтра продолжим разбираться с чертежами. Как говорится, утро вечера мудренее. На свежую голову лучше думается.

Леонид сморщил кислую гримасу.

– Иди! Я никого не задерживаю.

Пашка пропустил слова мимо ушей.

– Вот чего ей надо? Шкафы не закрываются от шмоток, – пожаловался Леонид.

– Ничего не надо. Эгоистка она у тебя. Махровая причём.

Леонид скривился. Слушать такое про жену – удовольствие малое. Но Пашка прав: эгоистка. Всё только так, как хочет она.

– Что-то, старик, не всё у меня ладно в семейной жизни. Не знаю, с какого конца решать свою проблему. Здесь знаю, – Леонид обвёл глазами кабинет, – а вот дома перестаю понимать, что мне надо сделать, чтобы остановить ссоры. Славка очень переживает, а это больнее всего.

– Старик! Скажи, чем тебе помочь? – посочувствовал друг. – Скажи, я помогу!

– Да чем ты мне поможешь? – В словах прозвучала тоска. – Один раз хотел помочь, да я тебя не услышал. – Леонид встал, обречённо махнув рукой. – Ладно, старик, по домам.

Шубу коллекционную из горностая жена всё же получила.

Леонид тихо вошёл в дом, неся в руке большой свёрток, завёрнутый в тонкую упаковочную бумагу. Снимая ботинки, почувствовал, как на спине повис сын.

– Я тебя ждал, – прошептал Славик.

Поцеловав сына, приложил палец к губам:

– Тсс!

На цыпочках, со свёртком в руке и сыном на спине, вошёл в спальню. Ольга сидела возле зеркала в красивом пеньюаре цвета утреннего рассвета. Леонид залюбовался женой.

– А у нас сюрприз. Подарок от Деда Мороза. – Леонид поднял руку со свёртком.

– Ура-а! – закричал над ухом сын. – Дед Мороз подарок принёс!

Шелковистая мягкость белоснежного горностая нежно легла на плечи величавой осанки супруги, когда он набросил на неё шубу. Красота женщины дыхнула холодом, и мужчина поёжился: «Снежная королева!»

Любовь… Любовь…

– Да что я о ней знал! – возмущался Леонид, расхаживая по кабинету. Немного успокоившись, вызвал секретаря: – Леночка! Забронируйте мне номер в гостинице и билет.

– Леонид Борисович, а куда?

В голосе секретаря слышалось удивление.

– В Омск.

Ответ был резок.

– Самолёт вечером. Я поехал собирать дорожную сумку.

Выполнив поручения начальника, секретарь позвонила директору завода.

– Говоришь, Елена, что в Омск срочно полетел? Да в курсе я, в курсе.

Отключив телефон, Константин Сергеевич встал и молча прошёлся по кабинету. Подошёл к окну. За окном начиналась вьюга.

«Может, не улетит по погодным условиям», – мелькнула мысль.

Вздохнув, набрал номер доверенного человека. Начальник службы снабжения был его глазами и ушами на заводе.

– Мне надо знать, что за интерес появился у моего зятя к спорту. К биатлону.

Через три часа запыхтел, слушая информацию.

– Говоришь, что обучался в «Берёзовой роще» стоять на лыжах? А тренерша – восходящая звезда нашего клуба? И, возможно, страны? – задал волновавший его вопрос. – А на мордочку как она?

– На мордочку гадкий утёнок, – послышалось в трубке. – Ни кожи ни рожи.

– Ни кожи ни рожи, говоришь! Нет, нет. Всё нормально. Я должен знать, что у меня под носом творится.

А творилось не очень хорошо, если не сказать, что плохо. На корабле назревал бунт, и бузил зять. Таким дерзким и несговорчивым он его видел впервые.

Константину Сергеевичу нравился зять. Он обратил на него внимание сразу, как только увидел, когда кадровик представил молодых людей.

– Два молодых специалиста. Прибыли по распределению. Один с красным дипломом.

– Платонов Константин Сергеевич, – пожимая руки молодым ребятам, представился директор.

Потом они сидели за столом и пили чай. Впечатление о себе ребята оставили самое хорошее. Стоящие хлопцы. Романтики, мечтающие покорить весь мир. Ради этого мира один, отказавшись от столицы, приехал сюда, в тьмутаракань. Ему приглянулся молодой человек с красным дипломом.

Леонид напомнил ему его самого – простого деревенского мальчишку, который свой трудовой путь начал простым учеником слесаря. Жажда знаний послевоенных детей была очень остра. Страна восстанавливалась после разрухи, не хватало знающих и образованных людей. Открывались вечерние школы и рабфаки. Иди учись, если есть желание учиться. Желание учиться у ученика слесаря было огромным, так что вечерняя школа не заставила себя долго ждать. На полпути к знаниям не остановился: после вечерней школы был рабфак, а после рабфака институт. Работал и учился. Предлагали аспирантуру, но работа была первостепенной – посчитал аспирантуру блажью. И так уже умный. На его век хватит. В аспирантуру, как считал, должны идти те, кто хотел посвятить себя науке. А его ждал завод. Да и на заводе для молодого амбициозного человека всё складывалось удачно.

Его рвение заметили и оценили. Доверяли самые сложные участки работы. Он был в авангарде всего коллектива, его портрет украшал доску «Передовики производства». За годы работы он никого не подвёл, он был кремень, бетон своих дел и решений. Все знали: раз сказал Платонов Константин «Сделаю!» – всё будет сделано в срок и качественно. За эти пятьдесят с лишним лет жизни в заводских стенах он прошёл всю лестницу карьерного роста. Начал с ученика слесаря и дошёл до генерального директора завода. Они по жизни одно целое: он и завод, завод и он. Он делал свою работу, а завод делал его карьеру.

Во времена социалистической индустриализации такой путь мог пройти каждый молодой специалист, поставивший себе определённую цель. Платонов Константин Сергеевич поставил перед собой цель, и он её достиг. Он сам сделал себя и сделал своё имя.

Сейчас наступали другие времена. После августовского путча он до конца не мог понять и разобраться в том времени, которое наполнялось хаосом и беспределом. Та цепочка, на чём базировалась плановая экономика, на чём строился производственный цикл завода, стала распадаться на звенья. На смену пришёл рынок, но не все оказались к этому готовы. Директор завода тоже был не готов, и это его беспокоило. Константин Сергеевич был объективен и хорошо понимал, что время его уходит. Это дело молодых. Этим ребятам, сидящим перед ним, строить свою жизнь. Им делать свои имена. Он своё дело сделал. Его завод.

Пожимая руки молодым специалистам, пообещал:

– Комнату в общежитии завода получите. Подъёмные, полагающиеся от государства, выдадим. Романтикой обеспечу!

Тому, что с красным дипломом, была предложена должность инженера, а его друг стал ведущим специалистом. Через месяц поинтересовался у кадровика, как молодые специалисты работают.

– Хорошие хлопцы! Толковые! Побольше бы таких. Амбиции бьют через край. Такие горы свернут, дай только волю.

– Толковые – это хорошо. Для завода очень кстати. – Похвалы кадровика радовали.

Пусть воротят, но под его руководством.

Сейчас у него была назначена встреча с новым инженером. Зазвонил телефон.

– Константин Сергеевич, ваша супруга.

Директор поднял трубку и сморщился, услышав рыдания. Опять дочки-матери. Не ошибся, услышав в трубке, что он плохой отец, не умеющий повлиять на дочь. Единственная дочь, в которой он души не чаял, жила по своим, далёким от родительского понимания, законам.

– Константин Сергеевич! В приёмной новый инженер. Сказал, что с аналитической запиской, – сообщила секретарь по селектору.

– Пригласи! – А жене недовольно в трубку: – Я занят! Покоя от вас нет. Позднее перезвоню.

Уже час, как Константин Сергеевич слушал нового инженера, который последовательно излагал суть своих наработок. Молодой специалист, разложив таблицы и графики на столе, рассказывал директору о перспективе своего предложения, надеясь на поддержку и понимание. Леонид спешил, радуясь вниманию со стороны первого лица завода.

Константин Сергеевич смотрел на инженера, слушал его, но не слышал. В ушах звенело: «Плохой отец!» Беспокойство за дочь отдавалось в сердце. Что делать с дочерью? Слова инженера о модернизации отвлекли от дум. Возможно, он ослышался, что модернизация касается его завода. Хотел задать вопрос, но встретил ясные, серо-голубые глаза, в которых светилась не испорченная жизнью чистота и доверительность. Молодой человек был свеж и бодр, а внутренняя сила амбиций проявить себя завораживала.

Ответ, что делать с дочерью, пришёл внезапно: а не познакомить ли их? В молодом человеке чувствовалась сила духа. Такой далеко пойдёт, если правильно направить. Будет на кого завод оставить. Хорошо образован. Достойная партия дочери, в которой он души не чаял и которую боготворил, как богиню.

Его единственная дочь не всегда оправдывала надежды отца. И этим его огорчала. Отец утешал себя: у ребёнка подростковый возраст, а в этом возрасте всегда бывают проблемы отцов и детей. Пропадая на работе сутками, он полностью доверил воспитание своего любимого чада супруге. Впервые о том, что с дочерью не всё в порядке, узнал от классного руководителя. Не найдя понимания у матери, учительница пришла на завод.

– У девочки много прогулов. Встанет вопрос о допуске к экзамену, – поведала она удивлённому отцу. – Надо подумать об аттестате, учитывая, что девочка всегда была отличницей.

Жалко было смотреть на жену, когда он, рассерженный, приехав домой, учинил ей допрос:

– Где дочь? Почему пропускает школу?

Смотря на разгневанного мужа, жена, хлопая глазами, испуганно лепетала:

– Доченька в школе. Мне звонили из школы по прогулам. Я не верю этим «серым» училкам. Лёлечка очень ответственная и воспитанная девочка. Она не может врать. Её оговаривают и ей завидуют.

– Чему завидуют?

Рык мужа был пугающим.

– Как чему? – изумилась супруга. – Её нарядам. Она у нас как королева по сравнению со всеми. Придираются от зависти.

– С тебя спрошу, если наша королева аттестат не получит. В школу отводишь и из школы встречаешь. Под полный контроль. Я не хочу слышать об этом ничего больше.

Не успел один скандал затихнуть, как вспыхнул другой. Его дочь сбежала из дома, оставив на комоде записку с просьбой не искать. Беглянку быстро удалось вернуть. Хорошо, что воздыхателем оказался командированный на его завод сотрудник. Во избежание сплетен воздыхателю напомнили о возрасте девочки и о последствиях, если информация станет достоянием общественности.

Беседа с инспектором детской комнаты милиции совсем огорчил отца. Сомкнув брови, он читал акт о задержания группы подростков, отмечавших на автобусной остановке Двадцать девятый съезд партии. Пьяная компания вела себя шумно и развязно, на замечания взрослых нецензурно выражалась и отбирала мелочь в кошельках. Скандал замяли.

Дома отец учинил дочери разнос.

– Я там случайно оказалась. Я не пила. – Дочь невинно хлопала глазами.

– Как ты посмела участвовать в ограблении?!

– Папочка! Это было не ограбление. Мы просто так веселились от нечего делать.

Под пугающим взглядом отца дочь разрыдалась. Жена, успокаивая её, впервые пошла на мужа атакой.

– Ты слышишь, что говорит Лёлечка? Её оговорили. Она не пила и не грабила.

Отец смотрел на семейство и раздваивался. Не могла его дочь пойти на такое: пить на остановке и грабить прохожих. Но с другой стороны. Классный руководитель же просила присмотреться к девочке, описав её характерец. Соврёт – и глазом не моргнёт. Очень капризна. Не считается с мнением коллектива. Выходит, что зря он тогда осадил учительницу, что его дочь не такая! А что получается? Какой цинизм! Пить на остановке, празднуя съезд партии, при этом выгребая из кошельков прохожих мелочь. Какой позор для него, коммуниста! Да это глумление над всем, ради чего он жил и чему верил!

Это было у дочери в подростковом возрасте. Но тот возраст давно закончился, а проблемы с Лёлькой остались по сей день. Институт окончила, а выходить на работу не спешила. Имея свои возможности, предлагал многое, слыша в ответ категорическое – нет.

– Пока не найду своё призвание, на работу не выйду! Спину ломать без любимого дела не буду!

Свою жизнь превратила в отдых, валяясь днями на диване, а ночами пропадая в клубах. С такими же бездельниками, чьи родители имели положение в обществе, не меньше его. Вырастили на свою голову! Одним словом – трутни! Для него, кто жизнь положил на завод, бездельники, отлынивающие от работы, переходили в ранг трутней. Горько было осознавать, что его ненаглядная доченька была одной из них. Его беседы с дочерью натыкались на стенку полного непонимания. Этому способствовала ещё и жена.

– Наработается. Пусть отдыхает! Не одна она такая.

В чём и был согласен с женой, так в том, что его дочь не одна такая. Целая компания дармоедов, вознёсших себя в касту неприкасаемых, придумав себе название – Бомонд. Богато-Модные-Народные-Детишки!

Авторитета отца образумить дочь явно не хватало. На работе его уважали и слушались, беспрекословно выполняя указания и распоряжения. Он – директор завода. А дома? Дома был бессилен изменить ситуацию. И поделать с этим Константин Сергеевич ничего не мог. Эта была его дочь, его любимица. Настоящая красавица! Он видел взгляды окружающих, когда они шли вместе. Был горд за себя. И горд за дочь. Вот она, жизненная карусель. На работе весь коллектив в его полном подчинении, а дома он в подчинении единственной дочери. Слепая родительская любовь!

Жена его решение познакомить дочь с инженером не одобрила.

– Как?! Отдать замуж за неизвестно кого? Мне мало его красного диплома, – возражала она мужу. – Мне нужен зять со статусом. Как сын секретаря горкома. Лёлечка с ним встречается. Вот такой мне нужен зять! У этого деревенского парня и воспитания, скорее всего, нет.

– Был деревенским, сейчас городским стал.

– Он не пара нашей Лёлечке! Не пара!

– Какой сын секретаря горкома? – Муж посмотрел на раскрасневшуюся супругу, которая, по жизни не перечившая мужу, сейчас не на шутку разошлась. – Ты хоть знаешь, что в стране творится? – Он был недоволен супругой. – Сидишь в своих квадратных метрах и знать ничего не желаешь. Продукты привозят, машина под задницей, приехала, уехала, по телевизору смотришь только сериалы. У нас в стране переворот был, слышала?

– Слышала! Нас это не должно коснуться. У нас номенклатурный статус.

– Статус номенклатурный, – зло съязвил муж, – вот этот статус и мешает тебе видеть, что творится в стране. Перестройка третий год шагает по стране. Если бы ходила по магазинам, видела бы пустые полки и очереди за продуктами. А если бы ездила на автобусах, то слышала бы, о чём простой люд говорит. Не жила бы тогда в мире старых иллюзий. До нас эта перестройка ещё не добралась, но дыхание чувствуется. Партию разгоняют. Неизвестно, что будет с секретарём нашим.

Жена отмахнулась.

– Не говори глупости! Он своё не упустит. И своё не отдаст. Он скорее других разгонит.

– Хотелось бы в это верить. Уверенности нет никакой. Полный хаос наступает. И что наша Лёлька с этим трутнем будет делать? Он, как наша дочь, не работает. На нашей шее будут сидеть. – Хлопнул Константин Сергеевич себя по загривку. – Привыкли наши отпрыски за нашими спинами жить. Не будет нас – неизвестно, что с ними будет. А здесь парень-работяга. Перспективный. Я тоже из деревни был. Это не помешало мне стать твоим мужем и директором завода.

– Не пара он нашей дочери. – Жена артачилась.

– Сама давно ли городской стала? Забыла, откуда я тебя привёз? Из такой же глухой таёжной деревушки, которая называлась рабочим посёлком.

Супруги познакомились во время его командировки. Константин Сергеевич, тогда просто Костя, приехал в рабочий посёлок, чтобы набрать людей на завод. Завод расширялся, а с его расширением увеличивались цеха и отделы. На заводе стало катастрофически не хватать рабочих рук. С этой целью дирекция завода отправляла вербовщиков по областям, чтобы нанять и привлечь на завод новые рабочие силы. Одним из таких вербовщиков был Костя. Бригадир прокатного цеха. Служебных машин не было, и каждый командированный добирался как мог, используя попутный вид транспорта. Если транспорт дальше не шёл, то добирались пешком.

Была поздняя и холодная осень. Лили дожди. Беспутица. И непролазная грязь, превратившаяся в жижу, заливала короткие ботинки. Ноги промокли и к концу дня застыли полностью. В конторе посёлка, куда он приехал, ему отвели место, где он провёл беседу с людьми. В той же конторке ему обеспечили ночёвку. Ночью поднялась высокая температура, а утром, в полубессознательном состоянии, Костю нашла уборщица конторы. В районной больнице, куда его привезли на телеге, врач определил воспаление лёгких. Он загремел на больничную койку. Вот там он и познакомился с девушкой, дочкой той уборщицы. Девушка приехала в больницу по просьбе матери – узнать, что с молодым человеком. В следующий раз привезла домашний мёд. Но больной был так слаб, что пришлось кормить его с ложки. Упросив врача остаться в больнице, стала ухаживать за ним. Между молодыми людьми вспыхнули чувства. Возвращался на завод Костя с женой, которую сейчас старался убедить, надеясь на её разумность.

– Их надо познакомить. А то наслушается о любвеобильности нашей красавицы и, как не испорченный жизнью человек, возьмёт и откажется.

– Как? Мою Лёлечку могут замуж не взять? – Жена растерялась от такого заявления.

Как ни убеждал Константин Сергеевич жену, она категорически была против его затеи. Немного подумав, он принял другое решение. Пригласил на работу дочь и рассказал о своём плане.

Выслушав отца, Ольга расхохоталась, а потом игриво произнесла:

– Пригласи. Посмотрим, что за жених!

Константин Сергеевич видел, что происходило с Леонидом, когда он увидел дочь. Его удивила и сама Ольга.

Как только закрылась за молодым человеком дверь, она сказала:

– Папа! Я хочу, чтобы он был моим мужем.

Вот так Леонид стал его зятем. Сейчас, после разговора, Константин Сергеевич забеспокоился. Изменился Леонид. Показал полное неповиновение. На его запрет не лететь в Омск улетает. Ослушался, чего раньше не замечалось. Можно было махнуть рукой на дерзость зятя. Бывает. Но вот глаза. Они другие. Глаза влюблённого человека! Он бы так назвал его глаза. А это уже серьёзно!

Отношения с зятем у него были ровные. На работе рабочие, и никто не посмел бы сказать, что тесть потакает родственнику. Леонид не обижался, понимал: по-другому быть не может. Но это на работе. Дома было иначе. Дома держал нейтралитет. В дела молодых старался не лезть, порыкивал, когда видел активность своей Нины.

– Не смей лезть в семью. Сами разберутся. У меня хороший зять!

За годы, что жили под одной крышей, зять ни разу не пожаловался ему на притеснения тёщи. Терпел, потому что безумно любил его дочь. Но всему есть предел. В последний раз молодые поругались, и Леонид ушёл жить к Павлу. Не остановил даже сын.

– Ох-ох-ох!

Не понравилось тестю, что Леонид ослушался. Вспомнились слова: «Ни рожи ни кожи». Ревность за дочь завозилась в душе. А вдруг? Вдруг «без кожи и без рожи» станет зятю тёплым домом. Одарит лаской, которой нет у дочери. Эта королева любит только себя! А мужику нужна ласка. Мужику нужно тепло. Он это знал. Для своей Нины он свет в окошке. Её жизнь посвящена мужу и дочери. Встречает с улыбкой, с разогретым ужином, тёплой постелью и комфортом в доме. Любил ли он свою жену, не мог сказать. Наверное, любил, раз столько лет вместе. Его устраивала такая жизнь. Он не вмешивался в дела домашние, не указывал, как надо вести хозяйство, – ему хватало завода. Жена же руководила домом, создавая уют, где он, придя с работы уставшим, мог отдыхать. Его Нина чувствовала настроение мужа. Если зашёл в дом раздражённым, она моментально уходила в тень. За годы супружества у него не возникало мысли уйти из семьи. У него не возникало, а у Леонида возникло. Не выдержал, ушёл. Ушёл пока к другу. Но это звонок. Зять не намерен так жить, мирясь с выкрутасами его дочери. А здесь, как раз, «без кожи и без рожи». Пока не разгорелось пламя, надо принимать меры – успеть погасить искру.

Как всякий родитель, оберегающий счастье детей, директор завода снял трубку телефона. Звонок был председателю спортивного общества «Трудовые резервы».

– Здравствуй, Александр Петрович! Узнал?

– Константин Сергеевич? Как можно не узнать, – залебезил голос председателя.

Директор молчал, обдумывая разговор, а председатель суетливо продолжил:

– Спасибо за поддержку. Мы на спонсорские деньги закупили новый инвентарь, – радостно засмеялся. – Первые места занимаем. Леонид Борисович в курсе. Он шефство взял. Приезжает на соревнования, интересуется успехами биатлонистов. Большое спасибо! Мы не подведём.

– У меня к тебе просьба, – перебил его директор. – Сугубо конфиденциальная. Дальше нашего разговора это не должно пойти.

– Какая просьба? Что-то случилось?

– Пока ничего не случилось. А может случиться, – рыкнул директор, но, почувствовав, что перегибает палку, миролюбиво закончил: – Я хочу, чтобы в нашей команде этой звезды больше не было.

– Какой звезды?

– Ты чего такой бестолковый? – снова рыкнул на председателя. – Той звезды, которая на моих лыжах мастера выполнила.

– Стрелковой?! – ахнули в ответ.

– Стрелковой. Не Стрелковой. Я не знаю фамилии. И знать не хочу! Но чтобы в команде её не было.

– Но как? Как?! Она наша надежда. Надежда всей страны. Недавно выступила в юниорской сборной. В Венгрии. Ошеломляющий результат. Серебро. У неё большое будущее, – говорил быстро председатель, стараясь вразумить спонсора от ошибочного шага.

Он ничего не понимал. При чём здесь Стрелкова? Чем провинилась спортсменка, накликав гнев на себя?

– Я тебе сказал, – грозно прозвучало в трубке, – чтобы в команде не было. Другую звезду вырастишь на мои деньги.

– Но как? Середина сезона, – постарался возразить председатель, – может, до конца добегает?

– Это твои вопросы. Останется в команде – уйдёшь ты.

В трубке послышались гудки.

* * *

Леониду снился сон. Он бежал к девочке, а она бежала навстречу ему. Он не видел её лица, но слышал смех, звенящий и громкий. Посторонний звук, потревоживший сон, помешал встрече. Девочка исчезла, а он расстроился, понимая, что проснулся.

С улицы послышался приглушённый смех, а следом хлопок дверцы машины. Гости разъезжались. Понимая, что уже не заснёт и сон не вернёт, Леонид открыл глаза и изумился. Комнату заливал сумрак.

– Не может быть! Я проспал весь день.

Желудок заурчал, подсказывая, что сильно голоден. Сборы в ресторан были недолгими. Выходя из номера, задел пустые бутылки, которые стояли ещё с отъезда товарищей, когда они распивали на посошок.

– Чёрт! Когда этот бардак уберут?! Я так и буду спать с тарой в обнимку?! – рассердился он за нерасторопность обслуги.

Звонок директору санатория был незамедлителен. Голос Леонида был тих и вежлив, когда он высказывал своё мнение о полученном сервисе. Кто знал его, тот был хорошо осведомлён, какие последствия могли быть тому, кому тихая вежливость предназначалась.

– Вы меня хорошо услышали?

– Леонид Борисович! Мы быстро исправимся, – заискивающе произнесли на другом конце провода.

Не успел Леонид положить трубку, как в дверь постучали. На пороге номера стояла испуганная горничная.

– Леонид Борисович! Я побоялась вас тревожить.

Мужчина собрался отчитать её, но, увидев, как девушка волнуется, махнул рукой. Такая же волнительная, как та спортсменка!

– Я на ужин. К моему возвращению чтобы номер блестел!

Леонид отсутствовал больше часа. Сытный ужин и мысли о блондинке подняли настроение. Закончив ужинать, заказал чашку кофе и долго сидел, смакуя горьковатый вкус. Допив кофе, сделал звонок на работу сообщить, что задерживается. Приятные мысли о встрече будоражили настроение. Заказав лёгкий ужин в номер, вернулся.

Номер встретил мужчину чистотой и свежестью. Это прибавило настроения.

Потерев руки, довольно произнёс:

– Что мы имеем?

Сам себе ответил:

– Имеем чистый номер, лёгкий ужин и прекрасную блондинку.

В дверь постучали – доставили заказ из ресторана. Времени было предостаточно, и он занялся подготовкой к встрече. Долго решал, где должна сидеть гостья, перетаскивая стул с

места на место. Определив положение стулу, занялся светом. Торшер побывал во всех углах комнаты.

Когда вопрос с ночником был решён, мужчина, причмокнув губами, утвердительно произнёс:

– Теперь ты будешь сидеть у меня как на ладони.

Поход в ванную был продолжительным. Сквозь шум воды слышался смех. Обтирая махровым полотенцем своё мускулистое тело, Леонид вышел из душа и прошёл к тумбочке, на которой лежали часы. Время до приезда блондинки ещё оставалось, чтобы обсохнуть и полежать на кровати. Красивая пластиковая карта рядом с часами привлекла внимание.

«Ночной клуб „Всё включено“, – прочитал Леонид, рассматривая качественную и дорогую полиграфию карты. – Но это не моя».

Рассуждать дальше, чья карта и как оказалась в номере, помешал взгляд, брошенный из окна. Машина девицы стояла на автостоянке. Девица никуда не уезжала?! Первое, что пришло на ум, – не терять даром времени и срочно встретиться. Но как? Запланированный лестничный пролёт отпадал, и мужчина расстроился, понимая, что к такому повороту событий, он не готов.

– Где? Где? Где? – зашептал Леонид, заходив вокруг стола. – Думай, Лёня. Думай.

Одна из его привычек, приобретённая ещё в студенческую пору, была ходить вокруг стола. Это помогало мыслям сконцентрироваться на главном. Встреча с блондинкой сейчас была актуальной, важной. Про эту привычку знал весь коллектив. Обычно секретарша тихим голосом сообщала: «Леонид Борисович круги накручивает». В этот момент шефа старались не беспокоить: накручивает – обязательно найдёт решение. Вот и сейчас, он ходил, а стрелки часов бежали вперёд, безжалостно забирая драгоценное время.

– Как просто! – Леонид резко остановился. – Мы взрослые люди!

Молодой мужчина не мог отделаться от мысли, что это с ним уже случалось. Тот же длинный коридор и приглашение на ужин. Тот же романтик, проснувшийся от спячки, и те же эмоции – удивить и обольстить. Всё повторялось, как под копирку, с одной лишь разницей, что тогда была спортсменка, а сейчас он шёл к блондинке.

– Со мной такое впервые! – ахнул Леонид, вспомнив, что не успел спросить, как зовут ночную гостью.

Мужчина стучал долго и продолжительно. Сначала тихо и прерывисто. Потом громко и монотонно.

– Они уехали, – услышал он голос и, резко повернувшись, увидел недовольные лица отдыхающих. – Вы слишком шумите.

То, что в номере никого нет, он понял сразу. Стучал уже от злости, что не успел.

В своём номере Леонид был похож на разъярённого льва:

– Что значит «уехали»? А я?!

Ему захотелось обзывать девицу. Обзывать и унижать.

– Шалава. Дрянь. – Он остановился, подыскивая слова. Ему казалось, что, обзывая её, он успокаивался. – Мерзавка! Дрянь! Шалава! Стерва!

Стул попался на пути, и он его пнул, наблюдая, как тот с грохотом падает.

– Шлюха! – Негодуя, поднял стул и поставил на место. – Шалава!

Подошёл к бару и, достав большой фужер, налил виски. Залпом выпил.

Тепло от спиртного, расползаясь по телу, снимало напряжение.

– Да она меня просто использовала!

Душа возмущалась.

– Никаких объяснений. Другие умоляют о встрече. А эта? – Леонид плеснул в фужер виски. – Даже проститутки так не поступают. Оставляют связь, как найти. – Отпив глоток, съехидничал: – Эта не проститутка. Эта – зараза!

На фоне нервного расстройства почувствовал сильный голод и съел весь ужин, заказанный на двоих. Запив виски и продолжая возмущаться, вышел на балкон. Морозный свежий воздух и тонкий аромат дорогих сигарет подействовали успокаивающе.

– Браво, девочка! Так меня ещё не обламывали! – крикнул Леонид в темноту. И его крик долгим эхом разлетался среди деревьев.

Вернувшись в номер, впервые пожалел, что не уехал с друзьями. Не зная, чем себя занять, взял карточку клуба «Всё включено» и стал рассматривать.

Зазвонил телефон.

– Борисыч, не разбудил? – Подполковник ГИБДД извинялся. – Извини, что поздно.

– Я не сплю.

– Я пробил твою машинку. Её арендуют в салоне. Немного расширил твой запрос. Тебе интересно?

– Ещё как!

– Эта машина каждую ночь выезжает в другую область. В Светлоярске замечена. На пункте досмотра остановили для проверки. За рулём мужчина. – (В трубке послышался шелест бумаги.) – Я записал. Мамышев Руслан Айдарович. Тебе это о чём-то говорит?

Фамилия, имя и отчество мужчины Леониду ни о чём не говорили.

– Почему мужчина? Там должна быть женщина?

– Но про женщину информации нет. Может, рядом сидела. Если хочешь, уточню.

– Нет, нет. И на этом спасибо.

Поговорив немного об общих знакомых, собеседники отключились.

– Чем дальше в лес, тем больше дров. Почему мужик?

Ревность кольнула в душу.

– Кто он ей? Муж, любовник или родственник?

Леонид подошёл к окну и обратился к машине, которая стояла на автостоянке:

– Эй! Почему другая область?

Отсвечивая от луны матовым блеском, машина не ответила, и это навело на мысль. А вдруг не уехала? Гуляет перед сном по парку.

Леонид позвонил на ресепшен.

– Санаторий «Берёзовый рай», – ответил заспанный голос. – Галина.

– Галочка, это Леонид Борисович.

– Да, Леонид Борисович. Я слушаю!

– Мне нужен ответ на один вопрос. – Леонид запнулся, решаясь, говорить ли про девицу. – Меня интересует одна дама.

– Леонид Борисович, фамилия дамы?

Что за глупый вопрос? Откуда он может знать фамилию? Пауза затягивалась. Его поняли и задали наводящий вопрос.

– Леонид Борисович, может быть, что-то ещё знаете о даме?

– Да, да! Эта дама проживает с матерью. Ещё она пела песню на банкете с моим другом. «Любовники». У неё номер четыреста двадцать четвёртый.

– В этом номере проживали две женщины. Возможно, мать и дочь. У них разные фамилии.

– Почему проживали? – Леонид напрягся.

– Они выехали досрочно. Номер сдан в семнадцать часов.

– Вот зараза! – психанул Леонид, понимая, что это её отъезд помешал досмотреть сон.

Волна раздражения на девицу накатывалась с каждым шагом, пока спускался на ресепшен.

«Досрочно выехала. Со мной не попрощалась. Дверями машины хлопала. Смеялась.»

Мужчина застонал.

«И я не встретился с девочкой!»

– Почему уехала? Её машина стоит на стоянке, – устроил допрос Галочке Леонид.

– За ними приехала машина. Скорее всего, знакомые, потому что женщины обнялись.

– Куда поехали? На вокзал? В аэропорт?

– Не знаю. – Галочка виновато пожала плечами, а следом обрадованно воскликнула: – Вспомнила. Мне кажется, что я видела на празднике этих знакомых. Мужчину и женщину. Они были у нас.

– Камеры есть? – Леонид осмотрел холл.

– Есть! Но они не работают.

Камеры не работали и на стоянке автомобилей, куда пришёл Леонид, чтобы узнать о машине, которая приезжала за девицей. Информации было мало, и это его расстроило ещё больше.

«Что мы имеем? – размышлял мужчина в номере. – Джип „Тойота“ чёрного цвета. Но таких джипов гоняет по стране уже миллионы. Если бы охранник запомнил номер, то был бы шанс быстро найти. Но он не запомнил. Оставался салон, где девица арендовала машину. Но не факт, что она предъявила свой паспорт. Арендовать машину мог мужик, что засветился при проверке. Стоп! Заселение в санаторий! Вот где она должна была предъявить свой паспорт».

Леонид посмотрел на часы: «Сейчас уже поздно».

А завтра! Завтра он узнает многое. Фамилия. Имя. Отчество. Где проживает. И самое главное! Он будет знать семейное положение девицы.

От мысли, что не все пути отрезаны, Леонид улыбнулся:

– Вот чертовка! Довела и сбежала.

Солнечный луч, пробиваясь через узоры стекла, нарисованные морозом, светил в глаза, и Леонид проснулся. Приняв душ, мужчина спустился в ресторан. В холле санатория было шумно и оживлённо. Отдыхающие разъезжались. Подъехал автобус, и толпа людей резко хлынула к выходу.

«Может, домой?» – закралась мысль.

Суета в холле охладила настрой искать девицу. Одну уже искал. Стоит ли искать другую? Конечно, он не привык проигрывать, но что делать – как-нибудь переживёт. Есть хороший лекарь. Работа! Не хочет и не надо!

За завтраком, окончательно определившись, решил лететь вечерним рейсом. Собирая дорожную сумку, снова обратил внимание на карту клуба, что лежала на тумбочке: «Ну и название! „Всё включено“! Обычно такие услуги оказывают турфирмы. За всё платишь – и ни о чём не думаешь. Ещё мобильные телесистемы. Там сам чёрт не разберёт, куда и что подключают. Но звучит заманчиво. Здесь ночной клуб? Откуда она в номере? Красивый и дорогой дизайн, отличная полиграфия. Телефон».

Имея в распоряжении свободное время, надумал позвонить. В Москве будет не до карты.

– Ночной клуб «Всё включено», – ожил телефон милым женским голосом.

– Подскажите, как мне найти вас. На вашей клубной карте не указан адрес.

– У нас нет клубных карт.

– Как нет?! – удивился Леонид. Он описал внешний вид карты.

– Минуточку подождите.

В трубке наступила тишина, а потом приглушённый разговор. Как ни прислушивался мужчина, понять ничего не смог.

– Я извиняюсь, что задержала вас, но в нашем клубе таких карт нет. – И телефон отключился.

– Не понял! Что за свинство – отключаться, не завершив разговора! Что они себе позволяют?!

Пренебрежительного отношения к себе Леонид не стерпел и из вредности набрал номер снова.

– Ночной клуб «Всё включено».

– Нечего бросать трубку! – рыкнул он. – Иначе буду жаловаться на вас.

Ответа не последовало, но и телефон не отключили.

– Девушка! Пожалейте командированного, – пошёл на хитрость Леонид. – Вашу карту в номере гостиницы нашёл. Надоело гудеть в одиночку, хочется общения.

Командированного, возможно, пожалели, и милый голос сообщил часы работы клуба.

– А город какой?

В телефоне рассмеялись.

– Так догуделись, что забыли, куда приехали. Светлоярск, мужчина. Светлоярск.

«Опа! А это уже интересно».

Леонид позвонил директору санатория:

– Зайди ко мне. И горничную, которая в номере убиралась, захвати.

Директор был обеспокоен, а горничную слегка потрясывало, когда они вошли в номер. Девушка не могла понять, за что её ругал директор и в чём её вина.

– Как карта оказалась в моём номере? – Леонид показал карту.

Горничная посмотрела на директора и расплакалась.

– Ты чем её запугал, Дмитрий Петрович? – Налив стакан воды, Леонид подошёл к девушке. – Тебя как зовут, юное создание?

– Таня.

– Танечка! Я не буду ругаться. Мне надо знать, как эта карта оказалась в номере. Это не моя карта.

Директор санатория, понимая, что к горничной претензий нет, решил проявить активность:

– Танечка! Леонид Борисович не сердится. Он хочет знать, как она оказалась в номере. – Он чувствовал, как напряжён Леонид.

– Я подняла с пола, когда пылесосила. Там ещё губная помада была. Но я её положила в тумбочку. – Горничная подошла к тумбочке и, открыв ящик, достала помаду. – Вот она.

Леонид вспомнил, как в темноте, одеваясь, ночная гостья задела стул, свалив с него свою сумочку. Как суетилась, собирая женские безделушки, приговаривая про слона. Скорее всего, её помада. Вспомнился звонок подполковника и его слова, где засветилась машина, а милый женский голос упомянул город, где находится клуб. Светлоярск.

– Вот это поворот! Мне всю информацию о… – Леонид запнулся, раздумывая, как назвать девицу, дамой или заразой, – молодой женщине. Она проживала с матерью в четыреста двадцать четвёртом номере. Срочно!

Через десять минут перед ним лежала анкета. Не считая имени Яна, ничего такого, что могло бы напомнить или прояснить ситуацию в анкете не было. Ни фамилия, ни город проживания, откуда прибыла девица, мужчине ни о чём не говорили.

– Информацию о матери. Возможно, через неё узнаем больше.

Информацию о матери несли так долго, что Леонид забеспокоился.

– Что хорошего мне в клювике принёс, Дмитрий Петрович? – съязвил Леонид, смотря на потерянного директора.

– Леонид Борисович! Девочки не зарегистрировали мать. Молодая особа попросила этого не делать. Скажете уволить, и я уволю за нарушение служебных обязанностей.

– А почему девочки твои так сделали?

– Молодая особа попросила не включать в квитанцию фамилию женщины. Ей, вроде бы, для отчёта так надо. – Дмитрий Петрович полез в карман и, достав платок, промокнул выступившую испарину. – Это нарушение, но по просьбе клиентов мы, иногда, идём на нарушения.

– У меня сейчас нет времени разбираться с твоими нарушениями, с неработающими камерами. Свободен! Мне надо срочно сделать звонок.

Наблюдая за поспешно удаляющим директором, мужчина позвонил начальнику безопасности своей фирмы:

– Сергей! Мне нужна информация об одной девице и о ночном клубе. Я тебе на электронку сброшу, что у меня есть. Срочно.

Отложив свой отъезд, Леонид стал дожидаться звонка. Срочно для Сергея как фас для собаки.

Судьба Леонида с Сергеем свела семь лет назад. Его фирма впервые выиграла большой тендер, и сумма контракта была с большими нулями в долларовом эквиваленте. Это был большой контракт, к которому Леонид шёл не один год.

Приехав в Москву гол как сокол, или «голодранцем», как обозвала его тёща, свой бизнес он начал с информационных технологий. Обладая хорошей интуицией, волчьим чутьём, сразу понял, на что сделать ставку. С помощью однокурсников, которые к тому времени занимали неплохие должности, пробил кредит в банке. Кредит стал начальным капиталом, а опыт зарубежных командировок помог быстро найти и наладить каналы доставок. Минуя таможенные кордоны, завозил комплектующие детали, а в начинающей России превращал их в компьютеры. Дело пошло как по маслу, принося хороший доход.

Фирма расширялась, расширялись и запросы самого Леонида. Интерес проявить себя в новой сфере двигал молодого человека вперёд. Шагнув на ступень, Леонид обустраивался там и осматривался, чтобы сделать шаг выше.

За годы жизни в Москве обзавёлся приятелями и компаньонами, которые показали правильные пути-дорожки: быть в нужном месте и в нужный час. Наработанные с годами связи обеспечили право быть в фаворе. Конкуренты остались без контракта, а его контракт лежал в синенькой папочке, на большом письменном столе, в большом и светлом кабинете генерального директора АО «Компания МегаСтройИнвест». Вот тогда-то и появилась срочная необходимость в профессиональной службе охраны.

Большие деньги подтянули криминал, и начались серьёзные разборки. И если бы не случай, когда машина Леонида попала в ДТП, он не задумался бы о своей безопасности. Перед тем как рухнуть в глубокий овраг и загореться, машина перевернулась несколько раз. Леонид вылетел через лобовое стекло, и это спасло ему жизнь.

– Кто-то поработал с вашими тормозами, – заявил следователь, снимая показания у пострадавшего. – Врачи сказали, что в рубашке родились.

Это происшествие да слова следователя о тормозах дали повод о решении нанять охрану. Большие деньги – большие риски. Больше денег – больше опасностей! Леонид понимал, что такие контракты притягивают людей кровожадных, жестоких и без принципов чести. Правило конкурентного исключения мотивировалось принципом преступных групп: мешает – убрать с дороги!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.